

ЛУИЗА МЭЙ

ОЛКОТТ

ЮНОСТЬ РОЗЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Луиза Мэй Олкотт Юность Розы

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69470023

Юность Розы:

ISBN 978-5-91921-045-0

Аннотация

Продолжение романа «Роза и семь братьев». Роза Кэмпбелл вместе с дядей Алеком и верной подругой Фиби возвращается после длительного путешествия по Европе. Из маленькой девочки, которая с радостью поддерживала игры и проказы кузенов, она превратилась в прелестную девушку, которой только предстоит сделать первые шаги во взрослой жизни.

Роза – завидная невеста, она богата, красива и умна, поэтому становится желанной гостьей на балах и званых ужинах. Кто из ее поклонников имеет корыстные цели, а кто действительно влюблен? Какие опасности может таить светская жизнь? Как справиться с первыми любовными переживаниями? Любящая семья поможет Розе справиться со всеми взлетами и падениями.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	34
Глава третья	55
Глава четвертая	71
Глава пятая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Луиза Мэй Олкотт

Юность Розы

Louisa May Alcott

ROSE IN BLOOM

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристави, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Поскольку автор обычно лучше знает, что он намеревался сказать своим произведением, покорно прошу учесть, что у этой истории нет морали. Роза не является предметом для подражания, и это продолжение я написала, лишь чтобы сдержать данное мной обещание в надежде немного развлечь читателя. Хотя, возможно, те, кто и сам готовится к расцвету, найдут в книге несколько полезных советов.

Л. М. Олкотт, сентябрь 1876

Глава первая

Возвращение домой

Одним погожим октябрьским днем три молодых человека стояли у причала, с нетерпением ожидая прибытия парохода, и, чтобы скоротать время, устраивали шуточные потасовки с мальчишкой, который, как болотный огонек, носился вокруг.

– Кэмпбеллы встречают кузину, она несколько лет провела за границей с дядей доктором, – шепнула одна дама другой, когда самый красивый из молодых людей коснулся шляпы в знак приветствия, проходя мимо и волоча за собой мальчика – тот скатился с горы тюков и был избавлен от весьма неприятного приземления.

– Это который из Кэмпбеллов? – спросила менее сведущая дама.

– Его называют принц Чарли, приятный юноша, самый многообещающий из всей семерки, хоть и немного ветрен, как говорят, – ответила первая, покачав головой.

– Остальные его братья?

– Нет, кузены. Старшего зовут Арчи – достойный молодой человек, недавно стал помогать дяде в делах и обещает стать гордостью семьи. Второй – тот, что в очках и без перчаток – Мак, недавно вернулся из колледжа. Странный юноша...

– А мальчик?

– О, это Джейми! Младший брат Арчибальда и любимец семьи. За ним глаз да глаз – бог знает во что ввяжется!

Тем временем Джейми извлекли из большой бочки, а в бухту зашел пароход, и все внимание обратилось на него. Корабль медленно подходил к пристани.

– Вот она! Я вижу и ее, и дядю, и Фиби! Да здравствует кухня Роза! – раздался звонкий голосок, и Джейми, взобравшись на столбик, трижды крикнул «Ура!», молотя руками по воздуху, как ветряная мельница, пока брат придерживал его за полы куртки.

Да, это были они: дядя Алек по-мальчишечьи махал шляпой, по одну сторону от него, улыбаясь, кивала Фиби, по другую – радостная Роза обеими руками слала воздушные поцелуи, увидев родные лица и заслышав знакомые голоса.

– Малышка Роза стала еще краше, благослови ее господь! Вылитая Мадонна, правда? Голубой плащ, волосы развеваются на ветру... – взволнованно заметил Чарли, пристально разглядывая группу на палубе.

– Мадонны не носят такие шляпы. Роза ничуть не изменилась, а вот Фиби – да! Смотрите-ка, настоящая красавица! – ответил Арчи, сверля глазами цветущую темноглазую девушку с блестящими на солнце черными косами.

– Старина дядюшка! Здорово, что он вернулся, правда? – пылко воскликнул Мак, однако смотрел он вовсе не на «старину дядюшку», а на стройную белокурую девушку подле и

именно к ней тянул руки над разделяющей их зеленоватой водой.

Пока корабль швартовался, Роза успела рассмотреть обращенные к ней лица кузенов и найти поводы как для радости, так и для грусти. Даже сквозь пелену слез счастья Роза заметила, что Арчи почти не изменился, Мак явно стал лучше, а с Чарли творится что-то неладное. Впрочем, времени на раздумья не было, потому что пассажиры поспешили на берег. Роза не успела взяться за дорожный сундук, как на нее налетел Джейми, крепко обхватив за талию. Едва высвободившись из медвежьей хватки мальчика, она попала в более нежные объятия старших братьев, которые, пользуясь радостной суматохой, оказали одинаково радушный прием обеим прекрасным девушкам. Затем путешественников с почестями препроводили на берег, причем Джейми умудрялся приплясывать, даже спускаясь по трапу.

Арчи остался помочь дяде с багажом, а остальным выпала честь доставить дам домой. Оказавшись в карете, все вдруг почувствовали себя неловко, разом осознав, что товарищи по играм превратились в молодых мужчин и женщин. По счастью, Джейми не смущался – усевшись между Розой и Фиби, он обращался и с дамами, и с их имуществом более чем вольно.

– Ну что, ребята, как вы нас находите? – спросила Роза, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

– Обе красавицы, даже не знаю, кто мне больше нравится!

Фиби выше и румяней, и я всегда любил Фиби, но ты такая невозможно добрая, милая и очаровательная – я, пожалуй, еще раз тебя обниму! – Маленький Джейми с пылом выполнил обещанное.

– Если ты меня тоже любишь, можешь считать Фиби более красивой – я не возражаю. Она действительно красивой – не правда ли, мальчики? – хитро спросила Роза.

Джентльмены, сидящие напротив, украдкой поглядывали на девушек с почтением и любопытством.

– Я настолько ослеплен красотой и блеском, нежданно представшими передо мной, что вряд ли найду слова! – ловко увернулся от каверзного вопроса Чарли.

– Не знаю, я еще никого не видел. Рассмотрю сейчас, с вашего позволения.

Позабавив попутчиков, Мак водрузил на нос очки и приступил к осмотру.

– Что скажете? – с улыбкой поторопила Фиби, краснея под пристальным взглядом, который, впрочем, ничуть не задел ее, в отличие от реакции Чарли – тот смотрел одобрительно, но Фиби прочла высокомерие в его дерзких синих глазах, от чего ее собственные – черные, гневно засверкали.

– Будь вы моей сестрой, я бы очень гордился, потому что вижу: вы не только красивая, но еще честная и смелая, – что для меня гораздо ценнее! – искренне ответил Мак, уважительно поклонившись.

Огонь в глазах девушки погас, сменившись радостным

удивлением, а задетая гордость успокоилась.

Роза захлопала в ладоши, совсем как в детстве, и одобрительно улыбнулась Маку.

– Вот это верное замечание – премного благодарны! Я была уверена, что ты оценишь мою дорогую Фиби, когда познакомишься ближе, однако не предполагала, что ты такой мудрый и сразу все поймешь. Ты сильно вырос в моих глазах, уверяю тебя!

– Если помнишь, я всегда увлекался минералогией, а в последнее время много занимался раскопками, так что способен распознать драгоценный металл, – ответил Мак с лукавой улыбкой.

– О, у тебя новое увлечение? Как же мы хохотали над твоими письмами – одно лучше другого! В каждом – рассказ о новой теории или эксперименте! Дядя чуть со смеху не умер, читая о вегетарианской мании: невозможно представить, чтобы ты питался хлебом с молоком, печеными яблоками и жарил картошку на костре! – сменила тему Роза.

– Старина Мак стал посмешищем всего класса! Он с таким жаром сражался с мельницами, что его прозвали Дон Кихотом! – вставил Чарли, которому показалось, что похвал с Мака достаточно.

– Сражения не помешали Дону окончить колледж с отличием по всем предметам. О, как же я гордилась, читая письмо тети Джейн! Она не нарадуется, что сын стал первым в классе и получил медаль! – вскричала Роза, крепко пожимая

руки Мака, а Чарли пожалел, что «старина Мак» не остался с дядей Алеком.

– Не слушай маму!.. Я просто начал обучение раньше остальных и больше них интересуюсь учебкой, тут нет моей заслуги. А Принц прав... Я часто вел себя, как последний идиот, зато овес у меня вырос что надо! Заметьте, от эксперимента никто не пострадал, да и семена недорогие! – добродушно ответил Мак.

– Чарли, кажется, тоже сеял овес, но не так хорошо! Я сам слышал, как дядя Мак сказал маме: «Только полюбуйтесь, что выросло!» Еще Чарли собираются «устранить от занятий» или «выключить из школы» – не помню, что именно, но это очень плохо, и тетушка Клара плакала! – выпалил Джейми, который обладал губительным талантом делать неуместные замечания, чем вечно держал домочадцев в напряжении.

– Хочешь опять ехать на облучке? – грозно нахмурился Принц.

– Нет, не хочу!

– Тогда придержи язык!

– А зачем Мак пинается? Я же только хотел сказать, что... – не унимался юный смутьян, не понимая, чем провинился.

– Хватит! – строго перебил Чарли, и Джейми обиженно притих, утешаясь обществом Розы и размышлениями о том, как несправедливы к нему «эти громадины», как он мстительно именовал про себя старших братьев.

Мак и Чарли завели оживленный разговор, предлагая всевозможные приятные темы для обсуждения, и вскоре проходившие с улыбкой стали оборачиваться на веселый экипаж, из которого раздавались взрывы хохота.

Едва Роза переступила порог, тетушки обрушились на нее, как лавина, и до конца дня старый дом гудел, словно улей. К вечеру все семейство, за исключением тетушки Идиллии, чье место – увы! – пустовало, собралось в смежных гостиных.

Как и следовало ожидать, старшие члены семьи объединились в одну группу, а молодые люди кружили над Розой и Фиби, как бабочки над цветами. Таким образом, доктор Алек был центром внимания в одной гостиной, а Роза – в другой. Всеобщая маленькая любимица повзрослела за прошедшие два года и превратилась в девушку, что вызвало в кузенах забавную перемену: они смотрели по-другому – к мальчишечьей симпатии добавилось мужское восхищение; это было и непривычно, и приятно.

Роза очаровывала и интриговала, сочетая мягкость и живость, то и дело изумляя дерзким заявлением или поступком – тут кузены переглядывались с хитрыми улыбками, как бы говоря друг другу: «Чего еще ждать от дядиной воспитанницы?»

Если мы, проявив должное уважение, сначала прислушаемся к беседе старших, то обнаружим, что они увлеченно строят воздушные замки, планируя будущее для вверенных

их заботам мальчиков и девочек.

– Милое дитя! Как хорошо, что она вернулась здоровая и счастливая – наша милая Роза! – воскликнула тетушка Изобилия, счастливо всплеснув руками.

– Ты привез нарушительницу спокойствия, Алек! Даже двух, ведь Фиби-то тоже хороша, и это не укрылось от ребят, – заметил дядя Мак, мотнув головой в сторону соседней комнаты.

Все взгляды устремились к внутренней гостиной, и родителям предстала весьма живописная картина.

Роза и Фиби бок о бок сидели на диване – Фиби занимала это место по праву, ведь она тоже была молодой и красивой, а Роза хотела сразу дать понять, что Фиби давно не служанка, а подруга.

Джейми устроился на коврике, а Уилл и Джорди встали ближе к свету, чтобы все смогли разглядеть новую форму: братья перешли в престижную школу, где с восторгом обучались военному делу. Стив в элегантной позе застыл в кресле, Мак стоял позади, опираясь на спинку, а Арчи, облокотившись на край низкой каминной полки, склонил голову к Фиби, которая с улыбкой слушала его болтовню, причем щеки ее покраснелись, почти как гвоздика на поясе.

Однако Чарли смотрелся эффектней всех, хоть и сидел на табурете для рояля – положение крайне невыгодное для всякого, кто не обладает способностью изящно владеть своим телом. По счастью, Принц этим даром обладал: небрежно

положив одну руку на спинку дивана и слегка склонив голову с увлеченным и довольным видом, очень его красившим, он полностью завладел вниманием Розы.

Тетушка Клара удовлетворенно улыбнулась; тетушка Джесси задумалась; тетушка Джейн тревожно переводила пронизательный взгляд с щегольски одетого Стива на широкоплечего Мака; миссис Майра пробормотала что-то о «миллой Каролине»; тетушка Изобилия ласково проговорила:

– Благослови их господь! Такими прекрасными отпрысками грех не гордиться!

– Я готова приступить к обязанностям дуэньи, как только прикажешь! Полагаю, наша дорогая Роза выйдет в свет немедля, поскольку не успела сделать этого до отъезда. Думаю, мои услуги понадобятся ненадолго – лично я не сомневаюсь, что Розу уведут в первом же сезоне – с ее-то достоинствами! – сказала миссис Клара, многозначительно качая головой и улыбаясь.

– Эти вопросы нужно решать с Розой. Я, знаете ли, больше не капитан, а лишь старший помощник, – ответил доктор Алек. Затем задумчиво добавил, обращаясь то ли к брату, то ли к самому себе: – Почему люди торопятся «вывести дочерей в свет» – так это называется?.. Мне, например, жалко смотреть на невинных и наивных девушек на пороге большого мира. Они, как правило, понятия не имеют, что их ждет, и совершенно не подготовлены ни к взлетам, ни к падениям. Мальчиков воспитывают лучше, а бедные девочки ред-

ко оказываются вооружены необходимыми качествами, хотя рано или поздно нуждаются в них – ведь каждой предстоит своя битва, а побеждают лишь сильные и храбрые.

– Тут тебе не в чем себя упрекнуть, Алек, ты сделал для девочки Джорджа все, что мог. Теперь гордись и радуйся, любой позавидует такой дочери! – сказал старый Мак с нежностью, которую редко проявлял к собственным сыновьям.

– Я старался, Мак, я горд и счастлив, но мне с каждым годом тревожней. Я готовил Розу к будущему, насколько мог его представить, однако теперь она станет самостоятельной, и я уже не защищу ее от сердечной боли, не уберегу от досадных ошибок и вредного влияния. Останется стоять в стороне, изредка делить радость или грусть и смотреть, как она строит собственную жизнь.

– Ладно тебе, Алек, зачем такая мрачность – что, по-твоему, собирается делать это дитя? – возразила миссис Клара, которая уже немного присвоила себе Розу.

– А вот послушайте! Сейчас она сама расскажет! – ответил доктор Алек, в то время как Роза в соседней комнате громко произнесла:

– Вы все поведали о своих планах на будущее, почему не спрашиваете о наших?

– Красивые девушки обычно разбивают десяток-другой сердец, затем находят подходящего мужчину, выходят замуж и живут спокойно – это всем известно! – сказал Чарли, словно другого ответа и быть не могло.

– Многие так и делают, но не мы с Фиби – мы считаем, что женщины наравне с мужчинами имеют право и должны чего-то добиться в жизни, и не собираемся влачить праздное существование, которое ты нам прочишь! – воскликнула Роза, сверкнув глазами. – Я говорю серьезно, не вздумайте смеяться! Ты был бы доволен, если бы тебе сказали, что ты немного поразвлекаешься, потом женишься и больше ничего не будешь делать до самой смерти? – обернулась она к Арчи.

– Разумеется, нет! Брак – лишь часть жизни для мужчины! – решительно ответил тот.

– Приятная и очень важная часть, но не вся жизнь! – подтвердила Роза. – То же и у женщин, ведь у нас есть не только сердце, но также душа и разум; не только красота и хорошее воспитание, но также стремления и таланты; мы хотим жить полной жизнью и получать знания, а не только «любить и быть любимыми»! Слышать больше не могу, что женщина создана для этого! Я о любви и думать не буду, пока не докажу, что представляю собой нечто большее, чем домохозяйка и нянька для детей!

– Боже милостивый! Борьба за равноправие пришла к нам в дом! – вскричал Чарли, вскакивая в притворном ужасе, а остальные смотрели на Розу с веселым изумлением, находя заявление забавной причудой.

– Нечего удивляться – это только начало. Скоро вы подробнее узнаете о моих взглядах, – продолжила Роза, нисколько не смутившись недоверчивыми и добродушно-насмешли-

выми улыбками кузенов. – Я твердо решила, что не позволю одурачить себя предрассудками, а буду стремиться к счастью, творить добро и бороться за справедливость. Если ты богат, это еще не значит, что нужно сидеть сложа руки и плыть по течению, хоть многие именно так и поступают! Годы, проведенные рядом с Фиби, не прошли даром. Я знаю, чего способен добиться человек, если он настойчив и привык рассчитывать на себя, и я иногда думаю, что лучше бы у меня не было ни цента, тогда я тоже зарабатывала бы на хлеб и стала бы такой же независимой и смелой, как Фиби!

В искренности Розы не было сомнений, она обернулась к подруге, и на лице ее читалась не только любовь, но и глубокое уважение, что лучше всяких слов доказывало, как сильно девушка из богатой семьи ценит достоинства, приобретенные бедной подругой благодаря трудностям и лишениям, и понимает, что силу характера не купишь ни за какие деньги.

Взгляд, которым обменялись подруги, произвел впечатление на молодых людей, несмотря на их склонность к предрассудкам, и Арчи сказал без тени насмешки:

– Не зря говорят, что богатство не меньшее испытание, чем бедность... Уверен, если захочешь, найдешь себе занятие, кузина!

– Я постараюсь использовать богатство во благо! Я уже все продумала и начала учиться хорошему делу! – энергично кивнула Роза.

– И что же это за дело, осмелюсь спросить? – проговорил

Чарли с ужасом.

– Догадайся! – Роза подняла на кузена глаза и смотрела полусерьезно-полунасмешливо.

– Ну, я бы сказал, что ты прирожденная светская львица и первая красавица, однако, поскольку эта участь тебе явно не по вкусу, боюсь, ты будешь изучать медицину и станешь врачом. Надо признать, твоим будущим пациентам невероятно повезло! Разве не приятно умереть от руки ангела?

– Перестань, Чарли! Не говори глупостей – ты же знаешь, как преуспели женщины в медицине и как помогала тетушке Идиллии доктор Мэри Керк! Я и правда хотела изучать медицину, но Мак тоже ею интересуется, и дядя решил, что будет слишком много врачей в семье. Кроме того, для меня есть более подходящее занятие.

– Ты справишься с любым делом, и оно обязательно будет добрым и благородным, и, что бы ты ни выбрала, я тебя поддержу! – горячо воскликнул Мак – он никогда не слышал подобных речей от девушки и был крайне впечатлен.

– Благотворительность – это как раз доброе и благородное дело, и я решила заняться ею. Папа оставил мне состояние, а я должна распорядиться деньгами с умом. Лучше потратить их на счастье других, чем все оставить себе, – просто сказала Роза.

Слушатели отреагировали по-разному.

Чарли метнул недобрый взгляд на мать, которая, не удержавшись, воскликнула:

– Алек, неужели ты позволишь девочке спустить состояние на всякие благотворительные глупости и безумные проекты по борьбе с нищетой и преступностью?

– Благотворящий бедному дает займы Господу, и Он больше всего ценит деятельное христианство, – емко ответил доктор Алек, и тетушки примолкли, а практичный дядя Мак начал припоминать свои бескорыстные поступки и пожертвования в пользу бедных.

Арчи и Маку идея понравилась, и они горячо пообещали помогать делом и советом. Стив молча покачал головой, а молодые люди в форме тут же предложили Розе основать больницу для собак, лошадей, белых мышей или раненых героев.

– Чарли, разве не лучше провести жизнь, служа людям, чем танцевать, наряжаться и охотиться за мужьями? – спросила Роза, Чарли упорно молчал, а ей хотелось получить и его одобрение тоже.

– Прелестное занятие и, конечно, полезное! Что может быть привлекательней, чем хорошенькая девушка в скромном чепце, занимающаяся благотворительностью? Правда, юные ангелы скоро выбиваются из сил, но пока могут, несут лишь свет и красоту в дома бедняков!

В тоне Чарли сквозила снисходительность, а улыбка была высокомерной, словно он хорошо знает женщин и ничего от них не ждет, потому что они способны лишь обманывать себя и других. Его слова удивили и расстроили Розу. Чарли

был не похож на себя прежнего, каким она его оставила два года назад. Впрочем, Роза не стала спорить. Бросив на кузена укоризненный взгляд, она гордо вскинула голову и махнула рукой, показывая, что разговор окончен.

– Жаль, что ты так плохо думаешь о женщинах. Когда-то ты в них искренне верил... – только и сказала она.

– Клянусь честью, я и сейчас верю! Нет на свете более преданного их поклонника и слуги! Хочешь, испытай меня? – воскликнул Чарли, галантно посылая воздушный поцелуй всему женскому роду.

Однако задобрить Розу не удалось. Она презрительно пожала плечами, а ее взгляд совсем не понравился его высочеству Принцу.

– Благодарю. Мне нужны не поклонники и слуги, а друзья и помощники. Я долго прожила рядом с мудрым и добрым мужчиной, и, возможно, мне теперь трудно угодить, однако я не собираюсь снижать требования, и всякий, кто претендует на мое хорошее отношение, должен хотя бы попытаться им соответствовать.

– Вот это да! Голубка в гневе! Мак, пригладь ей перышки, я отойду подальше, пока еще чего-нибудь не натворил!

Чарли побрел в соседнюю гостиную, ворча под нос, что дядя Алек испортил хорошую девочку, сделав из нее упряmicу.

Не прошло и пяти минут, как он пожалел об уходе – Мак, вероятно, пошутил, и, обернувшись через плечо на взрыв хо-

хота, Чарли увидел, как «разгневанная голубка» мирно воркует, и ему ужасно захотелось вернуться и поучаствовать в общем веселье. Однако Чарли слишком много потакали, и он не умел признавать ошибки, даже если осознавал вину. Он всегда рано или поздно получал желаемое и, давно решив, что Роза и ее состояние достанутся ему, в глубине души возмущился новыми планами девушки, утешаясь мыслью, что она откажется от спорных воззрений, обнаружив, что они непопулярны в обществе.

Устроившись в уголке дивана рядом с матерью, Чарли представлял восхитительное будущее, пока легкая закуска не объединила две группы гостей в одну. Гостеприимная тетушка Изобилия свято верила, что вкусно поесть и выпить никогда не повредит, и пользовалась любым поводом, чтобы устроить маленький праздник, ну а по торжественному случаю превзошла саму себя.

Все без лишних церемоний принялись за угощение, а Роза, переходя от одного восхищенного родственника к другому, заметила, что трое младших братьев дерутся в укромном уголке.

– Идите сюда и дайте я на вас посмотрю! – позвала она, пока хулиганы не навлекли на себя недовольство старших.

Торопливо оправив одежду, юные джентльмены, польщенные вниманием, явили Розе веселые раскрасневшиеся лица.

– Боже, как же вы двое выросли – на голову выше меня!

Как вам не стыдно, великаны? – возмутилась Роза, поднимаясь на цыпочки, чтобы потрепать кудрявые макушки. Уилл и Джорди в самом деле росли не по дням, а по часам и теперь сияли, глядя сверху вниз на кухню, которая рассматривала их с шутливым изумлением.

– Мужчины в роду Кэмпбеллов всегда крепкие и высокие, а мы будем лучше всех! Возможно, дорастем до шести футов, как дедушка! – похвастался Уилл, который до того походил на шанхайского петуха со своими длиннющими ногами и крохотной головой, что Роза еле сдержала улыбку.

– Мы еще и в плечах раздадимся, когда подрастем! А сейчас выше Стива на полголовы – оба! – добавил Джорди, задрал нос.

Роза, с улыбкой обернувшись к Стиву, поманила его рукой. Тот, выронив салфетку, поспешил на зов, поскольку Роза была королевой вечера, и он уже присягнул ей на верность.

– Позови остальных, сейчас поставлю вас в ряд и устрою смотр, как вы сделали в тот ужасный день, напугав меня до смерти! – смеясь объявила Роза.

Клан Кэмпбеллов в полном составе встал плечом к плечу, являя собой столь внушительное зрелище, что юная главнокомандующая на мгновение растерялась. Однако Роза достаточно повидала в жизни за последнее время и уже не смущалась по пустякам, к тому же ей хотелось слегка отомстить братьям, поэтому она отважно и величественно предстала

перед улыбающимися кузенами.

– Теперь я буду разглядывать вас, как вы тогда разглядывали меня! Семь негодных мальчишек заманили в ловушку бедную маленькую девочку и радовались ее смущению! Сейчас я вас ни капельки не боюсь, а вы – берегитесь и трепещите!

С этими словами Роза взглянула в лицо Арчи и одобрительно кивнула, поскольку спокойные серые глаза смотрели прямо, а взгляд юноши, обычно скорее пронзительный, чем добрый, теперь смягчился, что очень ему шло.

– Настоящий Кэмпбелл, благослови тебя господь! – сказала Роза и, сердечно пожав Арчи руку, двинулась дальше.

Следующим стоял Чарли, и Роза осталась довольна осмотром гораздо меньше, хотя и не отдавала себе отчета почему. В обращенных к ней глазах Чарли загорелся упрямый огонек – то ли гнев, то ли гордость, то ли что-то еще. Роза, слегка вздрогнув, торопливо произнесла:

– Я не узнаю Чарли, но Принц, кажется, здесь...

Затем она с облегчением обернулась к Маку. Аккуратно сняв его «наглазники», как выразался Джейми, она заглянула в честные синие глаза и увидела столько искренней симпатии, что на сердце у нее потеплело. Вернув очки, Роза с глубоким удовлетворением в голосе воскликнула:

– Ты совсем не изменился, дорогой Мак, как же я этому рада!

– Теперь скажи комплимент мне – я тут самая важная пти-

ца! – заявил Стив, подкручивая светлые усы, которые, очевидно, бесконечно его радовали.

Роза, заметив, что Денди больше, чем когда-либо, заслуживает прозвище, поспешно умерила его самолюбие, ответив с задорным смехом:

– Ну да, совсем как павлин!

– Ха-ха! Ну что, съел? – позлорадствовал Уилл.

– Не суди нас строго! – прошептал Джорди, поскольку подходила их с Уиллом очередь.

– Вы, мои дорогие, бобовые ростки! Я очень вами горжусь, только не вырастайте, пожалуйста, до небес! Как я тогда до вас дотянусь? – ответила Роза, ласково потрепав по щеке каждого из смущенных великанов – оба были красны как раки.

– Теперь я! – Джейми нарочно принял мужественную позу, чтобы не проигрывать рядом с высокими родственниками.

Впрочем, те вскоре позавидовали маленькому Джейми, потому что Роза обняла его и, поцеловав, сказала:

– Ты теперь мой рыцарь, остальные слишком взрослые, а мне необходим верный паж, чтобы выполнять поручения.

– Я согласен, согласен! И женюсь на тебе, если только пождешь, пока я вырасту! – вскричал Джейми, слегка потеряв голову от внезапного производства в чин.

– Не торопись, милый малыш! – рассмеялась Роза, глядя сверху вниз на верного Джейми, который с горячей благо-

дарностью сжимал ее в объятиях.

– Я слышал, как тетушки говорили, что тебе надо выйти замуж за одного из нас, чтобы сохранить состояние в семье, вот и сделал предложение первым. Ты ведь меня любишь, а мне очень нравятся твои кудри!

Бедный Джейми! Не успели бестактные слова слететь с его губ, как Уилл и Джорди подобно урагану унесли незадачливого кавалера прочь из гостиной и, избрав самое мягкое наказание из возможных, заперли в шкаф со скелетом, откуда долго доносились вопли несчастного узника.

Оставшиеся в гостиной не знали, что сказать, однако Роза вывела их из замешательства, с новым, невиданным ими ранее выражением лица объявив:

– Разойдись! Осмотр окончен!

С этими словами она отошла к Фиби.

– Следите за мальчишкой! Не пускайте его в люди или затыкайте рот кляпом! – возмущенно прошипел Чарли.

– Я с ним разберусь... – смущенно ответил Арчи, который на правах старшего брата считал себя ответственным за выходку маленького хулигана.

– Чертовски неудобно вышло! – проворчал Стив, подзревая, что и сам предстал не в самом выгодном свете.

– Правда редко бывает удобной! – с отрешенной улыбкой обобщил Мак и вышел из комнаты.

Доктор Алек, почувствовав странное напряжение, предложил помузицировать, и молодые люди с радостью согла-

сились.

– Послушайте наших птичек – они невероятно выросли в мастерстве, и я горжусь обеими! – сказал доктор, поднимая крутящийся табурет и раскладывая старые ноты.

– Я начну, а то после песни соловья вы и слушать не станете канарейку! – сказала Роза, стараясь угодить Фиби, потому что та сидела красивая, как картинка, но робела и не участвовала в разговорах, будто вспоминая дни, когда ее место было на кухне. – Спою несколько старых песенок, которые вам раньше нравились. Вот эта была одна из любимых, кажется!

Сев за рояль, Роза исполнила первую вспомнившуюся ей песенку; пела она хорошо и мило, но, разумеется, была далека от совершенства.

Это была песня «Березы Аберфельди»¹, и Роза живо вспомнила времена, когда ухаживала за больным Маком. Воспоминание было теплым, и Роза невольно нашла Мака глазами. Он был неподалеку – сидел, совсем как тогда, в минуту отчаяния, верхом на стуле, уронив голову на руки под стать печальной песне. Сердце Розы смягчилось, и она решила простить хотя бы Мака – этот кузен точно не вынашивал корыстных планов насчет ее злополучных денег.

Задумчивый Чарли не сводил с нее нежного многозначительного взгляда, который Роза старалась не замечать. Чарли,

---

¹ Лирическая песня, написанная шотландским поэтом Робертом Бернсом (1759–1796). (Здесь и далее прим. перев.)

очевидно, пытался напомнить о некоторых сентиментальных моментах, случившихся в последний год их детского общения, и выдать детскую симпатию за настоящие чувства. Это было и забавно, и досадно: Роза относилась к любви крайне серьезно и не желала отвечать на флирт красавчика кузена.

Чарли все больше злился, что живописные позы остаются без внимания, но тут запела Фиби, и он в восхищении позабыл про свои горести. Все были поражены. Два года обучения за границей, умноженные на многолетние упражнения дома, сотворили чудо – прекрасный голосок, который когда-то весело щебетал над горшками и кастрюлями, теперь то мелодично разливался, заполняя собой комнату, то стихал до мягкого журчания, будящего трепет в каждом слушателе. Роза сияла от гордости, аккомпанируя подруге: новая жизнь Фиби не омрачалась тоскливыми воспоминаниями о приюте для бедных и кухне, о невежестве и одиночестве; в новом мире Фиби была свободна и обладала волшебным даром, дающим ей власть над людьми.

Да, Фиби теперь не стеснялась себя, и эта перемена стала очевидна с первых секунд исполнения. Пропали молчаливость и смущение; хорошенькая девочка превратилась в цветущую живую девушку, а дар добавил Фиби выразительности, сложив руки и устремив глаза к свету, она издавала звуки столь же просто и радостно, как жаворонок, летящий навстречу солнцу.

– Ну и ну, Алек! Этот голос завоюет сердце любого мужчины! – воскликнул дядя Мак, утирая глаза после печальной баллады, старинной, но не выходящей из моды.

– Обязательно завоюет! – радостно ответил доктор Алек.

«Уже завоевала», – добавил про себя Арчи и был прав, поскольку именно в тот момент он влюбился в Фиби. Влюбился по-настоящему и с точностью до секунды знал, когда это произошло: в четверть десятого он всего лишь находил Фиби очаровательной; в двадцать минут – считал самой красивой женщиной, которую когда-либо встречал; в двадцать пять она уже стала ангелом, чья песнь лилась прямо в сердце; а в половине десятого Арчи нырнул в первое чувство с головой и, отдавшись течению, испытал райское блаженство.

Невозможно было поверить, что рассудительный и практичный Арчи вдруг обнаружил в глубинах сердца (обычно послушного разуму) романтические чувства – он и сам был крайне удивлен. Просто сидел в некотором оцепенении, не видя, не слыша и не замечая никого, кроме Фиби, пока ничего не подозревающий предмет поклонения скромно принимал всеобщую похвалу, пожалев, однако, что мистер Арчи не сказал ни слова.

Впрочем, это было не единственное знаменательное событие, произошедшее в тот вечер. Вторым стало то, что Мак сделал Розе комплимент, чего никогда раньше не случалось.

Гости разошлись, остались лишь Мак с отцом – тот улаживал какие-то дела с доктором. Тетушка Изобилия пересчи-

тывала чайные ложки в столовой, а Фиби, как в старые времена, ей помогала. Роза с Маком остались одни; он в мрачном раздумье оперся локтями на каминную полку, она, откинувшись в низком кресле, отрешенно смотрела в огонь. Роза устала, и ей хотелось тишины, поэтому она молчала, Мак тоже тактично держал язык за зубами. Вскоре девушка обнаружила, что кузен пристально смотрит сквозь очки, и, не меняя удобного положения, с улыбкой проговорила:

– Мудрый, как сова. Интересно, о чем он думает?

– О тебе.

– Надеюсь, хорошее?

– Думаю, Ли Хант² был прав, говоря: «Девушка – это самое прекрасное творение Господа».

– Мак! – Роза резко выпрямилась, лицо у нее было потрясенное – она никак не ожидала услышать подобное изречение из уст серьезного философа.

Мак, явно увлеченный новым открытием, невозмутимо продолжил:

– Знаешь, я на девушек раньше почти не смотрел, а они, оказывается, прелестные создания. Я полагаю, ты – лучший образец!

– Вовсе нет! Просто я сегодня бодр и весела, потому что вернулась домой, и, возможно, от этого выгляжу лучше, чем

---

² Джеймс Генри Ли Хант (1784–1859) – английский эссеист, журналист, поэт, драматург и литературный критик. Близкий друг и издатель поэзии Шелли и Китса.

обычно, однако я не красавица, разве что только в дядиных глазах.

– Бодра и весела, видимо, в этом дело... – повторил Мак, усиленно раздумывая. – Большинство девушек, согласно моим наблюдениям, болезненные и вялые, наверное, поэтому ты так меня поразила.

– Какой же ты все-таки чудак! Ты действительно хочешь сказать, что никогда не обращал внимания на девушек и никто тебе не нравился? – спросила Роза – ее позабавила новая странность ученого кузена.

– Почему же? Обращал. Есть два вида – шумные и тихие. Вообще я предпочитаю последних, но в целом ни тех, ни других почти не замечаю – они вроде мух. А так как от девушек нельзя отмахиваться, я предпочитаю прятаться.

Роза, откинувшись на спинку кресла, хохотала до слез. Ее рассмешила и доверчивая исповедь, и озорная улыбка.

– Не смейся! Это чистая правда. Вот Чарли их любит, и они его избаловали. Стив, разумеется, за ним повторяет. Арчи – тот, если попался, ведет себя безупречно. Я же просто не даю им шанса. А если какая-нибудь девушка меня все же поймает, говорю о науке и мертвых языках, пока она не сбежит. Со здравомыслящими я лажу отлично, но они редко встречаются.

– Ничего хорошего нас с Фиби не ждет! – вздохнула Роза, стараясь сохранить серьезность.

– Фиби, очевидно, тихая и здравомыслящая, я точно знаю,

иначе ты бы ее так не любила. Она приятна на вид... В общем, думаю, она мне понравится. Что касается тебя... я тоже участвовал в твоём воспитании и обеспокоен твоим будущим. Я боялся, что заграничный лоск тебя испортит; но, по-моему, этого не произошло. Более того, все, что я вижу на данный момент, мне очень даже нравится. Не пойму только, в чем секрет... Должно быть, меня очаровала внутренняя красота, поскольку ты утверждаешь, что не обладаешь внешней.

Мак поглядывал на нее с хитрой улыбкой, однако глаза за стеклами очков смотрели по-доброму, и Роза, найдя и слова, и взгляд чрезвычайно приятными, весело ответила:

– Я ценю похвалу и признательна за заботу. Надеюсь, ты и дома не позволишь мне испортиться. Вдруг меня тут избалуют?

– Пригляжу за тобой с одним условием, – ответил юный наставник.

– Каким же?

– Если окружишь себя толпой поклонников, то я умываю руки! Если нет – я к твоим услугам.

– Ты должен стать сторожевым псом и их отгонять, потому что я пока не хочу никаких поклонников. Впрочем, они и так разбегутся, когда все узнают, насколько я свободомыслящая. Большинство мужчин увидят в этом опасность, – заметила воспитанница доктора Алека, которая не тратила время и силы на глупые заигрывания, как многие девушки.

– Хм, сомневаюсь... – пробормотал Мак, разглядывая юную особу.

Ее упрямство не отталкивало, и она была красива, хоть и отрицала этот факт из скромности. Красива истинной красотой, ибо обладала не только молодостью и здоровьем, но и благородством характера, а также чистотой и девичьей мягкостью. Прекрасный цветок – нежный, упорный и бесхитростный – нуждался в чистейшем воздухе и теплых солнечных лучах.

– Вот увидишь! – ответила Роза и, услышав в холле голос дяди Мака, протянула руку, приветливо добавив: – Будем жить, как раньше: приходи в гости поскорее, расскажешь все о своих делах и поможешь мне с моими.

– Правда? – обрадовался Мак.

– Конечно! Ты почти не изменился, разве что подрос. Я не чувствую неловкости и хочу общаться точно так же, как до отъезда.

– Превосходно! Спокойной ночи, кухня! – К великому удивлению Розы, Мак звонко чмокнул ее в щеку.

– Ой, раньше такого не случилось! – воскликнула Роза, отступая в веселом замешательстве, а дерзкий юноша удивленно спросил:

– Разве мы не целовались на ночь? Я просто решил вести себя точно так же, как до отъезда.

– Разумеется, нет! Тебя никакая сила не заставила бы меня поцеловать – ты и сам знаешь! Ладно, в первый вечер поз-

волительно, но вообще мы слишком взрослые для подобных прощаний.

– Я запомню. Странно, вышло само собой, думаю, я так уже делал... Иду, отец! – Мак удалился, уверенный в своей правоте.

«Старина Мак! Он по-прежнему мальчик, и как же это радует – а то некоторые слишком выросли!..» – сказала себе Роза, вспоминая нежные взгляды Чарли и похорошевшее лицо Арчи во время пения Фиби.

Глава вторая

Новые лица старых друзей

– Как же хорошо снова оказаться дома! Не понимаю, зачем мы только уехали? – воскликнула счастливая Роза на следующее утро, обследуя старый особняк и находя нетроутыми любимые уголки и закоулки.

– Чтобы иметь удовольствие вернуться, – ответила не менее счастливая Фиби, которая шла по холлу бок о бок с маленькой хозяйкой.

– Все как было – даже розовые лепестки на месте! – продолжила младшая подруга, заглядывая в одну из высоких индийских ваз.

– Помнишь, как вы с Джейми и Носишкой играли в «Сорок разбойников»: ты спряталась в синюю вазу и застряла, и мы не могли тебя вытащить, пока не пришли мальчишки? – смеясь, спросила Фиби.

– О да! Ангелы-спасители! Кстати, я, кажется, слышу шорох их крыльев! – добавила Роза: с улицы раздался пронзительный свист, а затем цокот копыт.

– Наш цирк! – радостно воскликнула Фиби, и обе девушки представили красный фургон и клан Кэмпбеллов во всей красе.

Увы, в повозке был лишь один мальчик, зато шумел он,

как полдюжины. Не успела Роза добежать до двери, как Джейми влетел в дом: сияющий, будто утреннее солнце, с хлыстом через плечо, в белой жокейской кепке. Джейми на ходу дожевывал яблоко, один из его карманов оттопыривал большой мяч, а другой был набит печеньем.

– Доброе утро! Я заглянул убедиться, что вы приехали, и проверить, все ли хорошо! – заявил он, приветственно махнув хлыстом и лихо сдернув кепку с головы.

– Доброе утро, дорогой! Да, мы приехали, и все с каждой минутой лучше! Какой ты красивый, Джейми! Состоишь в пожарной бригаде или жокейском клубе? – поинтересовалась Роза, приподнимая когда-то пухлое личико за ставший почти квадратным подбородок.

– Нет, мэм! Ты разве не знаешь? Я капитан бейсбольной команды «Звезда»! Смотри! – Джейми со значительным видом, словно речь шла о деле государственной важности, распахнул куртку: на гордо выпяченной груди красовался красный фланелевый щит в форме сердца, украшенный белой хлопчатобумажной звездой величиной с блюдце.

– Великолепно! За время путешествия я и забыла, что есть бейсбол! Значит, ты капитан? – воскликнула Роза, искренне восхищенная успехами маленького кузена.

– Именно! О, это не шутки, мы играем, как взрослые: и зубы выбивали, и синяки получали, а один раз я даже палец вывихнул! Приходи в парк, будет матч с часу до двух, сама все увидишь! – похвастался Джейми и, сгорая от нетерпения

продемонстрировать свои таланты, добавил: – Пойдем на лужайку, я научу тебя бить по мячу!

– Нет, спасибо, капитан! Трава мокрая, а ты из-за нас в школу опоздаешь.

– Подумаешь, трава! Ты раньше не боялась слегка промочить ноги и здорово играла в крикет, хоть от девчонок обычно мало толку. Теперь тебе нельзя? – Мальчик с жалостью взглянул на бедное создание, лишенное суровых радостей настоящего мужского спорта.

– Ну, бегать я пока не разучилась, и спорим: буду у ворот первая! – Роза бросилась вниз по ступеням; ошеломленный Джейми не сразу последовал за ней.

Мальчик быстро сел в повозку, однако у Розы было преимущество, и хотя старый шетлендский пони старался изо всех сил, она достигла цели первой и стояла, смеясь и тяжело дыша, раскрасневшаяся от прохладного октябрьского воздуха, радуя глаз подъезжающей группе джентльменов.

– Молодец, Роза! – сказал Арчи, вылезая из коляски, чтобы пожать сестре руку; Уилл и Джорди приветственно махали, а дядя Мак смеялся над Джейми, недооценившим женский пол.

– Ой, хорошо, что это вы, а то я в таком виде!.. Я так рада вернуться домой, что словно вернулась в детство! – воскликнула Аталанта³, поправляя прическу.

---

³ Аталанта – героиня древнегреческой мифологии, знаменитая своей красотой и быстротой в беге.

– С распущенными волосами ты похожа на прежнюю девочку! Я только сейчас понял, как мне ее не хватало!.. Как поживают дядя и Фиби? – спросил Арчи, поглядывая поверх головы Розы на веранду, где виднелся женский силуэт в обрамлении красных выюнков.

– Хорошо, спасибо! Может быть, зайдешь и сам проведешь?

– Нельзя, дорогая, никак нельзя! – вмешался дядя Мак, выживая из кармана часы. – Дела, знаешь ли... Арчи – моя правая рука, я без него ни минуты не могу! Все, старина, пора ехать, а то эти двое опоздают на поезд!

Арчи отбыл, оглядываясь на светловолосую фигуру у ворот и темноволосую в беседке, а Джейми припустил следом, заедая поражение вторым яблоком.

Роза медлила, ей хотелось нанести визиты всем тетушкам по очереди, но нужно было вернуться домой за шляпкой. Веселый возглас: «Эй, на палубе!» заставил ее поднять голову, Мак приближался быстрым шагом и размахивал шляпой.

– От Кэмпбеллов сегодня отбоя нет! Ты похож на старательного школьника! Учишь уроки по дороге? – сказала Роза, подбегая.

Под мышкой у Мака торчала книга, он, вероятно, не оставил привычки читать на ходу.

– Вот моя школа, лучше ее нет! – ответил Мак, указывая букетом пушистых астр на чудесный осенний пейзаж и яркие цвета под мягкими солнечными лучами.

– Кстати, вчера я ничего не узнала о твоих планах. Остальные говорили без умолку, а ты лишь изредка вставлял слово. Кем ты хочешь стать, Мак? – спросила Роза, пока они бок о бок шли по дорожке к дому.

– Прежде всего, человеком и желательно порядочным. А дальше – на все воля божья.

Что-то в его тоне и словах заставило Розу быстро поднять глаза, и она увидела на лице Мака новое выражение. Она не смогла бы его описать, но ей почудилось, будто тучи разошлись, и между ними показалась вершина горы, сияющая и недоступная на фоне синего неба.

– Ты, наверное, станешь выдающимся человеком. Ты и сейчас... такой величественный, когда на лицо падает свет, а над головой смыкаются желтые листья! – воскликнула Роза с восхищением, которого раньше не испытывала, ибо всегда находила Мака наименее красивым из кузенов.

– Выдающимся вряд ли, однако у меня есть мечты и стремления, и некоторые из них довольно амбициозные! Знаешь, если хочешь чего-то достичь в жизни – нужно метить высоко и не сдаваться! – сказал он, глядя на астры с таинственной улыбкой, словно цветы знали некую тайну.

– Ты еще более странный, чем прежде! Честолюбивые планы – это похвально, и надеюсь, ты их реализуешь. Но не пора ли начать? Разве ты не собираешься обучаться медицине у дяди, как мы планировали?

– Собираюсь, по крайней мере, пока... Ты совершенно

права, человеку необходим якорь, чтобы не улететь в мир фантазий. Мы с дядей вчера поговорили, и я незамедлительно приступлю к учебе – довольно витать в облаках!

Мак, встряхнувшись, отбросил астры и вполголоса продекламировал:

«Я тратил время не напрасно,
Цветы я собирал в лесу.
В руке моей не просто астры,
Я свет и мудрость вам несу»⁴.

Роза услышала и, улыбнувшись, подумала: «Вот и Мак становится романтиком, а тетушка Джейн наверняка его за это ругает. Как же быстро мы выросли!»

– Ты, похоже, не слишком рад, – сказала она вслух.

Мак с сожалением засунул томик Шелли в карман, и величественное выражение исчезло с его лица, будто и не было снежной вершины между тучами.

– Отчего же, врач – прекрасная профессия, а лучшего учителя, чем дядя, не найти. Я последнее время разленился, давно пора заняться чем-нибудь полезным! – С этими словами Мак скрылся в кабинете, а Роза отправилась в комнату тетушки Изобилии, где нашла Фиби.

Добрая старушка после долгих сомнений сделала трудный выбор, остановившись на одном из шести любимых рецептов

---

⁴ Отрывок из стихотворения Ральфа Эмерсона (1803–1882) – американского писателя, поэта и философа.

пудинга, и ничто не мешало ей предаться чувствам – едва Роза вошла, тетушка, протянув руки, ласково позвала:

– Присядь ко мне на колени, девочка моя, а то я никак не поверю, что ты вернулась! Нет-нет, ты ничуть не тяжелая, и ревматизм обычно разыгрывается к ноябрю, поэтому сиди спокойно, дорогая, и обними меня покрепче!

Роза послушалась, и несколько мгновений старушка молча обнимала внучатую племянницу, словно хотела возместить два года разлуки. Однако, увидев, как Фиби незаметно отходит к двери, она разомкнула объятия и вновь протянула руку.

– Не уходи, дорогая, на коленях я вас обеих не удержу, но в моем сердце достаточно места! Как чудесно, что мои девочки вернулись домой целые и невредимые, я сама не своя от радости! – сказала тетушка Изобилия, крепко обняв Фиби, и та больше не чувствовала себя лишней, а черные глаза заблестели счастливыми слезами.

Розовощекая старушка с новыми силами вернулась к хлопотам.

– Ну вот, обняла вас, и хорошо стало! Роза, приведи в порядок мой чепчик, пожалуйста, – вчера раздевалась впопыхах и вытянула тесемки. Фиби, деточка, протри пыль, как ты умеешь, а то никто, кроме тебя, не может так аккуратно расставить все мелочи!

– Здесь тоже? – спросила Фиби, заглядывая во внутреннюю комнату, где многократно делала уборку в былые годы.

– Нет, дорогая, я сама... Загляните, если хотите, там все по-прежнему. Пойду займусь пудингом! – дрогнувшим голосом сказала тетушка и поспешно засеменила прочь – даже слово «пудинг» прозвучало грустно.

Девочки застыли у входа, словно на пороге святилища, и сквозь пелену слез смотрели на знакомую комнату, где во всем ощущалось присутствие кроткой хозяйки. Старая герань на подоконнике, освещенная солнцем; мягкое кресло на привычном месте, белый плед на подлокотнике, потертые тапочки на полу. Книги и корзинка с рукоделием, вязанье и очки – все было, как раньше, а главное – осталось прежним царившее в комнате умиротворение, и девочки невольно обратили взгляд на кровать, будто ожидая увидеть привычную улыбку тетушки Идиллии. Милое личико старушки на этот раз не сияло среди подушек, и по юным щекам заструились слезы – но не о той, что ушла, а о той, что осталась. Сестринская любовь оказалась сильнее смерти, а ничем не примечательные при жизни вещи обрели особый смысл и красоту.

Потрепанная скамеечка для ног еще стояла рядом с кроватью, а на белом диване с высоким ворсом осталась вмятина на том месте, где тетушка Изобилия каждый вечер преклоняла седую голову, читая молитвы, которым учила ее мама семьдесят лет назад.

Гости, не сказав ни слова, аккуратно прикрыли дверь. Фиби расставляла безделушки с особенной тщательностью, а Роза подшивала скромный белый чепец, на котором боль-

ше не колыхались розовые и желтые банты, и обе чувствовали, что удостоились большой чести и стали лучше, соприкоснувшись с беззаветной любовью и набожностью, которые наполнили светом жизнь доброй старушки.

– Дорогуша, какое счастье, что ты вернулась! Знаю, сейчас непростительно рано, но я не могла ждать ни минутки! О, позволь помочь тебе разобрать вещи, я должна на них посмотреть! Я видела сундуки, когда вы проезжали, там, должно быть, столько всего интересного! – на одном дыхании выпалила Анабелла Блисс час спустя, обнимая Розу и оглядывая комнату в поисках нарядов и безделушек.

– Как ты похорошела!.. Садись, я покажу тебе фотографии – они замечательные! Дядя выбрал лучшие! – Роза положила на стол стопку и стала оглядываться в поисках остальных снимков.

– О, спасибо! Но на фотографии нужно время, а я тороплюсь... Лучше покажи парижские платья, безумно любопытно, что сейчас носят! – Анабелла с надеждой и воодушевлением взглянула на большие коробки.

– У меня нет парижских платьев, – ответила Роза, с сожалением убирая снимки.

– Роза Кэмпбелл! Ты хочешь сказать, что не купила в Париже ни одного платья? – возмущенно воскликнула Анабелла.

– Для себя нет. Тетя Клара заказала несколько и с удо-

вольствием покажет, когда прибудет ее багаж.

– Упустить такой шанс! Быть в Париже и с деньгами! Твой дядя непростительно жесток!.. – сочувственно вздохнула Анабелла.

Роза не сразу поняла, о чем идет речь, а затем, приняв слегка высокомерный вид, снисходительно показала подруге коробку с кружевом и ответила:

– Дядя не запрещал, и денег было достаточно, но я решила не тратить на всякие глупости.

– Никто не запрещал, а ты не купила! Невероятно! – Потрясенная до глубины души Анабелла упала в кресло.

– Поначалу я хотела... просто ради забавы. Я даже пошла в магазин и видела несколько великолепных платьев. Однако они слишком дорогие и нарядные, совершенно не в моем стиле, и я оставила эту затею, зато сохранила то, что ценю больше всех платьев на свете.

– И что же это? – воскликнула Анабелла, надеясь, что ответ будет «бриллианты».

– Дядино уважение, – ответила Роза, заглядывая в чемодан, где как символ победы над женским тщеславием лежала прелестная картина, купленная вместо платьев и не только сохранившая, но и преумножившая дядино уважение.

– Как мило! – безучастно сказала Анабелла и принялась изучать кружева тетушки Изобилии, а Роза с сияющими глазами нырнула в другой сундук.

– Дядя считает, что нельзя тратить деньги впустую, но он

очень щедр и любит делать полезные, красивые или необычные подарки. Смотри, сколько милых сувениров он купил! Ты можешь выбрать первая, что тебе понравится!

– Он просто душа! – воскликнула Анабелла, упиваясь разложенными перед ней хрустальными, древесными, коралловыми и мозаичными безделушками, а Роза окончательно привела ее в восторг, добавив несколько изысканных мелочей из Парижа.

– Теперь скажи, когда ты устраиваешь бал в честь выхода в свет? У меня еще ничего не готово, и я хочу знать заранее, ведь это наверняка станет событием сезона! – спросила Анабелла несколько минут спустя, колеблясь между сережками из розового коралла и подвеской из голубой лавы.

– Я уже выходила в свет в Европе, однако тетушка Изобиллия наверняка захочет отпраздновать наше возвращение. Мой первый прием будет таким же, как все последующие: скромная дружеская встреча, куда я приглашу всех, кого захочу, независимо от их «круга». Ни за что не буду зазнавшейся аристократкой, так и знай – мои праздники открыты для всех друзей: старых и новых, бедных и богатых.

– Боже мой! Мама права – ты чудачка! – воскликнула Анабелла, в отчаянии всплеснув руками и одновременно оценивая, какой из трех браслетов лучше смотрится на ее пухлом запястье.

– В своем доме я буду делать то, что считаю нужным, а если кто-то считает меня странной, что ж. Не хочу тебя пугать,

но я унаследовала дядину любовь к экспериментам и намерена кое-что попробовать. Пусть опыт окажется неудачным, пусть надо мной смеются! Мне все равно, так что можешь прервать дружбу сейчас! – заявила Роза с решительным видом, не предвещающим ничего хорошего.

– А что ты наденешь на свой необычный прием? – спросила Анабелла, мудро пропуская мимо ушей опасные замечания и возвращаясь к хорошо знакомой ей теме.

– Вон то белое платье. Оно симпатичное и смотрится свежо, да и у Фиби есть такое же. Я не хочу одеваться нарядней, чем она, а простые белые платья лучше всего подходят девушкам.

– Фиби? Ты хочешь сказать, что намерена сделать из нее леди? – ахнула Анабелла, выронив сокровища и откинувшись на спинку, от чего кресло жалобно скрипнуло, ибо мисс Блисс была довольно тучной особой.

– Она уже леди, и всякий, кто не уважает ее, не уважает меня! – горячо воскликнула Роза.

– Да, разумеется, я просто удивилась... но ты права, вдруг из нее что-то выйдет, тогда ты не пожалеешь, что была к ней добра... – забормотала Анабелла, мгновенно меняя мнение.

Не успела Роза ответить, как из холла весело окликнули:

– Где моя маленькая госпожа?

– Фиби, дорогая, я здесь!

В комнату вошла девушка, из которой Роза собиралась «сделать леди», и Анабелла, невольно улыбнувшись, удив-

ленно распахнула небесно-голубые глаза, а Фиби полушутливо присела в реверансе, как делала раньше, тихо спросив:

– Как поживаете, мисс Блосс?

– Рада вашему возвращению, мисс Мур! – ответила Анабелла, пожимая руку Фиби, тем самым раз и навсегда определив для себя вопрос ее положения в обществе. Не отличаясь острым умом, Анабелла обладала добрым сердцем и искренне любила Розу. Раз условие было поставлено четко – «любишь меня – люби и Фиби», Анабелла приняла Фиби как равную, и даже прошлое в рабочем доме представилось ей в романтическом свете.

Все же она смотрела во все глаза, как подружки работают бок о бок, болтают, разбирая коробки, и с каждой минутой убеждалась, что за годы тесной дружбы девочки стали очень дороги друг другу. Роза бралась за самую трудную работу, а более крепкая Фиби хитрила, чтобы первой развязать тугой узел, свернуть жесткий картон или поднять тяжесть, и в конце концов взмолилась, с трогательной заботой усаживая Розу в кресло:

– Дорогая, присядь отдохни, тебе весь день принимать гостей, а ты устанешь с самого утра!

– Тогда ты перетрудишься, я этого не допущу! Позови на помощь Джейн, иначе я немедленно встану! – возразила Роза, безуспешно пытаясь придать голосу властность.

– Джейн заменила меня на кухне, а тут я уж как-нибудь справлюсь! – твердо сказала Фиби, подставляя маленький

пуф под ноги молодой хозяйки.

«Это все, конечно, мило, но что скажут люди, когда она появится в свете?.. Ах, Роза, ужасная чудачка!» – отметила про себя Анабелла, отправляясь разносить неприятное известие, что большого бала не ожидается, и горько сожалея о том, что Роза не привезла ни одного парижского наряда.

«Ну вот, со всеми повидалась, кроме Чарли; он, похоже, очень занят. Хотела бы я знать, чем...» – подумала Роза, учтиво проводив гостью до входной двери.

Желание исполнилось всего через несколько минут: бродя по гостиной в поисках подходящего места для фотографий, она заметила пару коричневых ботинок, свисающих с одного края дивана, а на противоположном подлокотнике покоилась рыжевато-каштановая голова. Судя по всему, Чарли действительно был очень занят. В данный момент – ничегонеделанием.

– Заслышав Блистящую Анабеллу, я благоразумно залег в укрытие и немного вздремнул, ожидая возможности поприветствовать прославленную путешественницу – леди Эстер Стэнхоуп!⁵ – объяснил он, вскакивая и отвешивая элегантный поклон.

– Неужели она до сих пор к тебе равнодушна? – спросила Роза, вспомнив, что они частенько подшучивали в детстве по поводу некой неразделенной симпатии.

---

⁵ Эстер Стэнхоуп (1776–1839) – британская светская львица, авантюристка, путешественница по Ближнему Востоку, археолог.

– О нет! Фан меня обошел. Если не ошибаюсь, прекрасная Анабелла станет миссис Токио еще до наступления зимы!

– Что? Малыш Фан Си? Подумать только, он вырос и женится – и на ком! Анабелла ни слова не сказала, однако теперь понятно, почему ей особенно понравились сувениры из Китая, и заинтересовал Гуанчжоу!⁶

– О, малыш Фан теперь большая шишка и без ума от нашей пухленькой подруги, которая по первому зову готова сменить приборы на палочки. Как поживаете, кухня? Хотя я и сам вижу: сияете ярче утренней зари! Я пришел бы раньше, но подумал, что вам нужно хорошо отдохнуть с дороги.

– Еще девяти не было, когда я бегала наперегонки с Джейми! А вы чем занимались, молодой человек?

– «Я спал и грезил о тебе, моя любовь!» – пропел Чарли. Однако Роза прервала его, строго заявив:

– Лучше бы встал и принялся за дела, как остальные! Лично я почувствовала себя бездельницей утром, глядя, как мальчишки трудятся в поте лица!

Чарли, впрочем, нимало не смутился.

– Понимаешь, дорогая, я пока не определился с занятием и служу украшением семьи. Среди нас должен быть хоть один настоящий джентльмен, и эта роль мне прекрасно подходит! – ответил Чарли, принимая крайне солидный вид, который портили лишь хитро поблескивающие глаза.

– В нашей семье все джентльмены! – заносчиво возразила

---

⁶ Гуанчжоу – портовый город в Китае.

Роза – при ней никто не смел нелестно отзываться о Кэмпбеллах.

– Конечно-конечно! Я имел в виду джентльмена, который не работает. Видишь ли, надрываться, как Арчи, не в моих правилах. Какой смысл? Денег полно, живи и радуйся! Ведь жизнерадостные люди просто необходимы нашему скорбному миру!

Трудно было возразить, глядя на симпатичного молодого человека – воплощение счастья и здоровья, сидящего с обворожительной улыбкой, небрежно закинув руку на спинку дивана. Роза прекрасно понимала, что начинать жизнь, вдохновляясь идеями Эпикура⁷, неправильно, однако с Чарли невозможно было спорить, он мастерски избегал серьезных тем и всегда пребывал в чудесном настроении, неся радость в скорбный мир – кто же осмелится этому мешать?

– Ты так поворачиваешь разговор, что я не нахожу аргументов, хоть и знаю, что права, – растерянно заметила Роза. – Мак, например, любит свободу не меньше тебя, однако понимает, что неразумно попусту тратить время. Он мудрый молодой человек и намерен обучаться делу, хотя предпочел бы мирно жить в обществе любимых книг и посвящать все время увлечениям.

– Ну и прекрасно, он все равно не показывается на людях, какая разница: изучать медицину или шататься по ле-

---

⁷ Эпикур – древнегреческий философ, согласно учению которого высшим благом считается наслаждение жизнью.

сам, набив карманы трудами устаревших философов и старомодных поэтов? – ответил Чарли, пренебрежительно пожимая плечами, – он явно был невысокого мнения о Маке.

– Устаревшие философы, как Сократ и Аристотель, и старомодные поэты, как Шекспир и Мильтон, – более подходящая компания, чем некоторые из современных молодых людей, с которыми ты водишь дружбу, – укоризненно промолвила Роза, вспомнив неосторожное замечание Джейми насчет дикого овса и того, что выросло.

В детстве она временами была строга с мальчишками, любила наставлять их и с удовольствием продолжила бы отчитывать Чарли, однако тот искусно сменил тему беседы, притворно встревожившись:

– Да ты вылитая тетушка Джейн, она так же ворчит при любом удобном случае! Не бери с нее пример, умоляю! Она добрая женщина, но слишком сварлива!..

Нет большего страха для девушки, чем прослыть сварливой, и хитрый Чарли это прекрасно понимал. Роза попалась на уловку, поскольку, несмотря на глубокое уважение, не желала походить на тетушку Джейн.

– Ты забросил живопись? – спросила она, взяв в руки златокудрого ангела кисти Фра Анджелико⁸.

– Какое милое лицо, а глаза похожи на твои, правда? – заметил Чарли, который, как настоящий янки, любил отвечать

---

⁸ Фра Беато Анджелико – святой католической церкви, итальянский художник эпохи Раннего Возрождения.

вопросом на вопрос.

– Мне нужен ответ, а не комплимент! – как можно строже ответила Роза, быстро откладывая картину.

– Забросил ли я живопись? О нет! Малюю маслом, балуюсь акварелью, изредка черкаю карандашом и наведываюсь в мастерские, когда находит вдохновение.

– А музыка?

– С музыкой еще лучше. Я не часто упражняюсь, зато много пою в гостях. Прошлым летом обзавелся гитарой и гастролировал напрапалую. Развлекал девушек и веселил друзей.

– Ты чему-нибудь учишься?

– У меня на столе лежат учебники по праву – добротные внушительные книженции, я в них заглядываю иногда, когда развлечения приедаются или родственники докучают. В этом году узнал, что такое алиби, ну и хватит, пожалуй.

Глаза Чарли хитро блестели, наводя на мысль, что этот юридический термин он освоил на практике.

– А что же ты делаешь?

– Радуюсь жизни, прекрасная моралистка! Сейчас вошел в моду домашний театр, и я снискал такую славу, что всерьез подумываю о подмостках.

– Неужели? – встревожилась Роза.

– Почему бы нет? Если я должен избрать профессию, почему не быть актером?

– Для актерства нужен талант, которым, боюсь, ты не обладаешь... С настоящим талантом можно сыграть любую

роль, а без него – лучше держаться от сцены подальше.

– Я, между прочим, ведущий исполнитель в нашем театре! У Мака, например, нет ни проблеска таланта, а ты восхищаешься его попытками стать доктором! – воскликнул задетый за живое Чарли.

– Во всяком случае, это достойная профессия, и лучше быть посредственным врачом, чем посредственным актером. Но ты ведь шутишь, правда?

– Шучу, угадала! Я всегда завожу разговор о театре, когда мне читают нотации, – прекрасно работает! Дядюшка Мак бледнеет, тетушки в священном ужасе воздевают руки, и поднимается всеобщая паника. Тогда я великодушно обещаю не позорить семью, и милые родственники в порыве благодарности делают все, что я захочу. Таким образом, мир восстанавливается, а я живу себе дальше.

– А раньше грозил сбежать и наняться в матросы, когда мама не выполняла твои прихоти... В этом ты совершенно не изменился – не то что в других вещах! Чарли, у тебя когда-то были замыслы и большие планы на будущее, а сейчас ты решил хватать по верхам, ни во что не углубляясь.

– Я был наивен! С возрастом помудрел и не вижу смысла привязываться к одному делу и пахать год за годом. Люди одной идеи чертовски ограничены и скучны – невыносимые зануды! Нужно охватывать широкий спектр знаний – это приятней в обучении, полезней для жизни и всегда приводит к успеху! Лично я так считаю и буду следовать своим

убеждениям!

С этим заявлением Чарли перестал хмуриться и, заложив руки за голову, стал тихо напевать отрывок из студенческой песни, который как нельзя лучше отражал его взгляды на жизнь:

«Смелей, друзья, наполним чаши,
Выпьем их до дна!
Пока свежи ланиты наши,
Смерть нам не страшна!»⁹

– Многие святые были верны одному делу и, хоть и не считались успешными при жизни, любимы и канонизированы после смерти, – возразила Роза, листая пачку фотографий в поисках изображения святого Франциска.

– Мне больше по душе другой святой! Истощенные, мертвенно-бледные старцы нагоняют тоску. А он выглядит, как джентльмен, не портит другим настроение, обличая в грехах, и не стонет по поводу собственных ошибок! – Чарли выложил красивого святого Мартина¹⁰ рядом с монахом в коричневой рясе.

Посмотрев на оба изображения, Роза поняла, почему кузену ближе мужественный образ с мечом вместо распятия.

---

⁹ Отрывок из стихотворения ирландского поэта Томаса Мура (1779–1852).

¹⁰ Святой Мартин – епископ Тура, один из самых почитаемых во Франции святых. Еще будучи военачальником однажды зимой он разорвал свой плащ и отдал его половину совершенно раздетому человеку.

Святой Мартин восседал на коне в роскошном сиреновом камзоле, в окружении гончих и оруженосцев, а святой Франциск молился за покойных и умирающих в лепрозории. Контраст был разительным, и взгляд девушки невольно задержался на рыцаре, однако она задумчиво произнесла:

– Да, твой святой, конечно, выглядит более привлекательно, однако что-то я не слышала о его благодеяниях – разве что поделился плащом с нищим, а святой Франциск полностью посвятил себя благим делам, презрев многочисленные соблазны, и годами служил Богу, не прося награды. Он стар, беден и нищ, однако его я не отдам – можешь забирать своего веселого святого Мартина, если хочешь.

– Нет, спасибо, святые не по моей части, а вот златокудрого ангела в голубом платье я бы взял, с твоего позволения. Этой Мадонне я буду молиться, как преданный католик! – ответил Чарли, рассматривая изображение девушки с глубоким взглядом и букетом лилий.

– Охотно дарю! Забирай любую из моих фотографий. Передай маме привет от меня.

Чарли с Розой еще около часа рассматривали снимки и приятно беседовали. А когда молодые люди ушли на обед, внимательный наблюдатель, вероятно, обратил бы внимание на одну незначительную деталь: старый добрый Франциск завалился за диван, а святой Мартин красовался на каминной полке.

Глава третья

Мисс Кэмпбелл

Пока путешественницы распаковывают чемоданы, давайте в общих чертах осветим события прошедших лет.

С того памятного майского дня, когда Роза выбрала дядю опекуном, прошли безмятежные и деятельные четыре года. Роза была здорова и счастлива: училась, вела хозяйство, занималась спортом и многими другими полезными и приятными вещами. Хорошая с каждым годом, она не теряла детской невинности, как иные девушки, слишком рано вышедшие в свет и играющие навязанные обществом роли.

Роза не обладала особенными талантами, была далека от совершенства, порою капризна, порою наивна, слегка избалована и склонна считать, что все живут столь же беззаботно, как она сама. Сталкиваясь с чужой болью или нуждой, ее нежное сердце переполнялось состраданием, а щедрость не знала границ. Несмотря на мелкие недостатки, девочка была благодетельной по натуре и стремилась к справедливости, чистоте и правде, как цветы тянутся к солнцу, а за зелеными листками бутона зрело прекрасное женское сердце.

Когда Розе исполнилось семнадцать, доктор Алек объявил, что путешествие по миру лучше любой школы дополнит образование. Как раз в то время тетушка Идиллия нача-

ла сдавать и вскоре тихо отошла в мир иной, чтобы воссоединиться с возлюбленным, встречи с которым ждала долгие годы. Мертвое лицо тетушки таинственным образом помолодело и словно обрело былую красу, озарившись воспоминанием об утраченной любви. В отличие от большинства стариков, тетя Идиллия дружила с молодыми людьми, и вместо седовласых старушек ее оплакивали девушки, они же подготовили милую всем старую деву к вечному сну, опустили на гроб покров и усыпали могилу белыми цветами, которыми покойной не суждено было украсить подвенечный наряд.

Когда с похоронами было покончено, бедная тетушка Изобилия, посвящавшая себя сестре, была совершенно потеряна. Доктор Алек не захотел ее оставить, и Роза охотно возвращала тете любовь и заботу, которая утешает лучше любых слов. Однако тетушка Изобилия сама привыкла жить ради других и вскоре решительно отвергла добровольную жертву, найдя силы в искренней вере, а утешение – в деятельности, и занялась тетей Майрой – та как нельзя лучше подходила на роль подопечной, поскольку не собиралась ни умирать, ни выздоравливать.

Наконец наступил момент, когда они со спокойной душой отправились в путь; в день восемнадцатилетия Роза с дядей Алемом и верной Фиби пустилась в плавание, чтобы открывать и познавать большой прекрасный мир, извлекать пользу и получать радость.

Фиби обучалась музыке в лучших школах, а пока она тре-

нировала свой ангельский голосок, Роза с дядей с огромным удовольствием колесили по миру – два года пролетели, будто во сне, и домашние стали требовать их возвращения.

Теперь же они вернулись, и наследница вступала в права, поскольку набралась мудрости, чтобы распорядиться состоянием, и стала его законной обладательницей, отпраздновав двадцать первый день рождения. Роза вынашивала большие планы: благоразумие и опыт подсказывали, что лучший способ помочь бедному человеку – дать возможность обеспечить себя самостоятельно, однако сердце не утратило щедрости.

Доктор Алек с трудом сдерживал пыл юной филантропки, которая рвалась немедленно жертвовать деньги больницам, строить приюты, брать под опеку детей и поддерживать весь род человеческий.

– Подожди немного, дитя, осмотришь. Мир, в котором ты жила, гораздо проще и честнее того, в который собираешься войти. Проверь себя, посмотри, не передумала ли, ты теперь взрослая и умная – сама решишь, что для тебя лучше! – сказал дядя, не в силах привыкнуть к мысли, что птенчик вот-вот выпорхнет из-под его крыла и отправится в самостоятельный полет.

– Ох, боюсь, вы во мне разочаруетесь... – проговорила как-то Роза с несвойственной робостью. – Что ж, скажу как есть, вы ведь любите честность, а я привыкла делиться любыми мыслями – даже самыми глупыми. Если мое желание

покажется вам дурным, пожалуйста, признайтесь! Я выросла, но не хочу терять вашего расположения. Вы советовали подождать и проверить себя. Я прислушаюсь к совету и поживу, как другие девушки.

Увидев, как помрачнело дядино лицо, она поспешно добавила:

– Недолго!

Дядя, хоть и признавал, что желание Розы естественно, действительно был разочарован. Он тревожился, поскольку, как любой заботливый родитель или опекун, придирчиво выбирал круг общения для Розы и берег ее от вредного мирского влияния. Увы, дух Евы силен во всех ее дочерях, а запретный плод манит больше плодов доступных, и даже самые мудрые из дев не удерживаются от искушения. Также и Роза, поглядывая из безопасного укрытия на взрослую жизнь, захотела испытать ее радости, прежде чем приступать к обязанностям, в чем чистосердечно признавалась.

– Хорошо, дорогая, попробуй, если хочешь, только не вреди здоровью и будь умерена в развлечениях, – произнес дядя, слясь сохранить веселый тон и не выказать опасений, потом добавил себе под нос: – Надеюсь, ты приобретешь больше, чем потеряешь...

– Наверное, приятно беззаботно порхать, как бабочка. За границей мы видели светскую жизнь, хоть и не участвовали в ней, а здесь, дома, девочки наперебой рассказывают о развлечениях, которые намечаются этой зимой, и, если вы не

будете слишком меня презирать, я попробовала бы...

– Как долго?

– Три месяца не слишком большой срок? До Нового года! Меня так радушно встретили, надо ответить тем же, а то получается, что я замкнутая и неблагодарная! – сказала Роза, радуясь, что нашла хороший аргумент в пользу новой затеи.

– А если понравится, и три месяца растянутся на годы? Развлечения затягивают, особенно в молодости.

– Думаете, я потеряю голову?

– Посмотрим, дорогая.

– Посмотрим!

Роза вышла из комнаты решительным шагом человека, давшего обещание и намеревающегося его сдержать.

Все с облегчением вздохнули, узнав, что мисс Кэмпбелл наконец выходит в свет, как полагается, и приглашения тетушки Изобилии принимались с большим удовольствием. Тетя Клара давно планировала пышное торжество в честь племянницы и была чрезвычайно раздосадована, однако Роза, не дрогнув, полностью доверила организацию милой старушке.

В результате получился прекрасный непринужденный вечер в кругу друзей. Теплый, радужный прием – такой простой, сердечный и искренний, что даже те, кто пришел придирааться, прекрасно проводили время, и многие гости почувствовали удивительную атмосферу, которую не были в состоянии описать или воссоздать.

Фиби вызывала всеобщее любопытство, и дамы, знавшие ее с детства, без умолку сплетничали, прикрывшись веерами, с трудом узнавая маленькую служанку в молодой красавице, которая держалась с молчаливым достоинством и очаровала собрание прекрасным пением.

«Золушка стала принцессой» – таков был общий вердикт, и небольшой фурор доставил Розе невероятную радость, ибо после приезда ей пришлось отвоевывать место в обществе для своей любимицы, и теперь ее вера в подругу полностью оправдалась.

Сама мисс Кэмпбелл тоже пользовалась популярностью и так любезно исполняла роль хозяйки, что мисс Блисс простила подругу за преступное пренебрежение к неписанным правилам, хоть и покачивала головой при виде белых платьев – одинаковых, за исключением того, что у Фиби были красные оборки, а у Розы – голубые.

Девушки весело роились вокруг вновь обретенной подруги, ибо до отъезда Роза была всеобщей любимицей и по возвращении заняла почетное место. Молодые люди втайне провозгласили Фиби первой красавицей, хотя «какой в этом смысл, если у нее ни денег, ни связей». Вследствие чего они восхищались Фиби, как одной из красот дома, и почтительно обходили ее стороной.

Хорошенькая Роза тем временем была «в порядке», как постановили эти милые юноши, ее блестящие локоны приковывали множество мечтательных взглядов, будто золотое

руно, ревностно охраняемое тетушками.

Неудивительно, что первый глоток мирских радостей ударил Розе в голову. Гости осыпали ее приветствиями и улыбками, лестью и похвалами, нашептывали на ушко приятные пророчества и всем видом выражали восхищение. В конце вечера Роза ощущала себя другим человеком, словно прежняя девочка осталась за границей, а она вдруг стала каким-то неземным созданием.

– Мне очень приятно, дядя, боюсь, трех месяцев будет мало! – шепнула она дяде Алеку, проходя мимо него в паре с Чарли – после ужина в большом холле начались танцы.

– Не спеши, девочка! Не спеши! Помни, ты не бабочка, а девушка с головой, которая, вероятно, будет болеть поутру! – ответил дядя, глядя на раскрасневшееся улыбающееся лицо племянницы.

– Хоть бы завтра никогда не наступало, а сегодняшний день длился вечно – он так хорош, и все ко мне добры! – ответила та с тихим счастливым вздохом, подбирая пышные юбки, будто белая птица, готовая взлететь.

– В два часа ночи я спрошу, не передумала ли ты, – сказал дядя, предостерегающе покачивая головой.

– Я дам честный ответ! – бросила Роза, увлекаемая Чарли в пестрый водоворот танцующих.

– Брось, Алек! Сколько ни воспитывай в девочке благоразумие, едва почуввав свободу, она побежит развлекаться, словно обыкновенная вертихвостка. Такова природа! – заметил

дядя Мак, постукивая ногой в такт музыке.

– А моя девочка лишь попробует, но, уверен, быстро удовлетворит любопытство! А вдруг она не справится с искушением, и я напрасно старался?.. Даже думать об этом не хочется, – сказал доктор Алек, с тревогой и надеждой поглядывая на воспитанницу.

– Она справится, благослови ее господь! Пусть себе радуется невинное создание, из нее точно ничего дурного не вырастет! Жаль, не все семена столь же благородны и не все всходы столь удачны! – добавил дядя Мак, качая головой и косясь на некоторых молодых людей, которые вертелись неподалеку.

– Что-то с твоими мальчиками?

– Нет, слава небесам! Ни тот, ни другой беспокойства не вызывают, хоть Мак – чудак, а Стив – рохля. Ничего, пройдет с возрастом, главное, по натуре они хорошие ребята – пошли в мать. А вот Кларин сынок меня волнует – она все детство его баловала и продолжит в том же духе, если отец не вмешается.

– Я подробно рассказал брату Стивену о мальчике, когда был в Калькутте в прошлом году, и он написал сыну, но Клара не желает его отпускать и настояла, чтобы Чарли остался еще на год, хоть отец и велел ему отправляться в Индию! – ответил доктор, когда они выходили из холла.

– Слишком поздно «велеть» – Чарли уже не ребенок, и Стивен сейчас убедится, что был недостаточно строг все

эти годы. Бедняга, письма его в последнее время не радуют, а будет еще хуже, если он не вернется домой и не наведет порядок.

– Ни за что не вернется. Жаркий климат окончательно его изнежил, и он привык избегать неприятностей: где ему справиться со вздорной женой и упрямым мальчишкой! Надо вмешаться, Мак, и помочь старине Стиву!

– Женим юнца поскорее, чтобы остепенился!

– Дорогой мой, ему же только двадцать три! – воскликнул доктор. Затем, изменившись в лице, добавил с задумчивой улыбкой: – Впрочем, этому возрасту уже доступно и острое счастье, и глубокое страдание.

– ...Пережив которые некоторые становятся лучше! – с искренним одобрением закончил дядя Мак, положив руку на плечо брата. Затем мягко перевел тему на младших членов семейства, пытливо спросив: – Полагаю, тут ты с Кларой не согласен?

– Решительно! Моей девочке нужен достойный муж, а Клара и ангела избалует! – быстро сказал доктор Алек.

– Не отпускать же нашу Розочку из семьи! Может быть, Арчи подойдет... Хорошо воспитан, прекрасный во всех отношениях юноша.

Хотя к тому моменту братья успели уединиться в кабинете, доктор Алек заговорщицки понизил голос:

– Вообще-то я против браков между двоюродными братьями и сестрами, но, право, не знаю... Мак, я люблю девоч-

ку, как родную дочь, и не хочу отдавать ее мужчине, к которому не испытываю полного доверия. Глупо строить планы, ведь выбор за ней, однако я правда хотел бы, чтобы Роза осталась с нами, а один из наших ребят получил достойную жену.

– Нельзя ее отпускать – вот и весь разговор! Присмотрись к старшим и реши, кого осчастливить. Никто из них еще не знал любви, и они, конечно, слишком молоды, но можно аккуратно направить, а там, глядишь, и чувства появятся. Боже мой, жить с нынешней молодежью все равно что сидеть на пороховой бочке! Вроде бы ничего не предвещает беды, но стоит появиться одной искре... Взрыв, и – пиши пропало!

Дядюшка Мак удобно устроился в кресле, приготовившись решать судьбу Розы, а доктор ходил из угла в угол, глядя перед собой невидящими глазами, дергая бороду и морща лоб.

– Да, Арчи хороший, – рассуждал он. – Честный, надежный, умный, из него вышел бы отличный муж – помни он, зачем людям сердце. Возможно, я старый дурак, но предпочитаю более романтичных молодых людей, которые обладают теплотой и страстностью, понимаешь? Боже правый! Можно подумать, ему сорок, а не двадцать четыре – столько рассудительности и хладнокровия! Я и то моложе: будь мое сердце свободно – ухаживал бы не хуже Ромео.

Доктор, не успев договорить, засмутился, поскольку брат разразился смехом.

– Возвышенная и романтическая натура пропадает зря! Алек, подай пример и поищи невесту сам! Джесси, например, недоумевает, почему ты еще не влюбился в Фиби, а Клара уверена, что ты ждешь момента, когда девушка вернется под крылышко тетушки Изобилии, чтобы, как положено, просить ее руки.

– Я?! – ужаснулся доктор. – Оставят ли меня когда-нибудь в покое эти добрые женщины?.. Ради всего святого, уйми их, Мак! Не хватало мне думать о всяких глупостях и нарушать покой бедной девочки! Фиби – чудесное создание, и я ею горжусь, однако она заслуживает лучшей доли, чем связать жизнь со стариком вроде меня, который лишь тем и хорош, что будет верен!

– Как знаешь! Я просто пошутил! – Дядя Мак с тайным облегчением закрыл тему. Благородный муж много думал о благе семьи, и домыслы дам сильно его тревожили. Помолчав минуту, он вновь принялся убеждать: – А насчет Арчи ты, Алек, не прав! Если узнаешь его поближе, сам увидишь, что сердце у парня на месте, а холодность и сдержанность лишь снаружи. Я его полюбил и очень ценю, Роза с ним будет счастлива!

– Если согласится, – уточнил доктор, посмеиваясь над тем, как брат распоряжается юными жизнями, будто заключает торговые сделки.

– Согласится, если ты скажешь! – убежденно заявил дядя Мак, потому что двадцать пять лет, проведенные в обще-

стве крайне практичной жены, не оставили в нем ни капли романтики.

– Мы тут ничего не решаем, и я ей не указ, а лишь советчик. Если выбирать одного из наших ребят, я склоняюсь к крестнику, – серьезно произнес доктор.

– Что? Мой гадкий утенок? – удивился дядя Мак.

– Смею напомнить, из гадких утят вырастают прекрасные лебеди. Я всегда любил мальчика за искренность и самобытность. Он незрел, как зеленое яблоко, однако сердцевина у него хорошая, нужно лишь подождать, когда созреет. Уверен, из него вырастет настоящий Кэмпбелл!

– Благодарю покорно, Алек, но не бывать этому! Он неплохой мальчик, и, наверное, мне будет чем гордиться, но Розе он не пара! Ей нужен муж, который правильно распорядится имуществом, когда нас не станет, тут Арчи лучше справится!

– К черту имущество! – порывисто воскликнул доктор Алек. – Я желаю ей счастья, а если наследство камнем висит на шее – пусть завтра же потратит его целиком – мне все равно! О, я с ужасом ждал этого момента, до последнего тянул с возвращением, да и за границей дрожал, когда к нам прибивался какой-нибудь молодой человек. Была пара опасных моментов, но обошлось... А сейчас никуда не денешься, как говорит Клара, это видно по сегодняшнему «фурору». Хорошо, что у меня только одна дочь!

– Вот и выдай ее за Арчи, всем будет спокойней! Послу-

шай дельного совета, – заявил старший из заговорщиков.

– Я подумаю, однако умоляю, Мак: ни слова дамам! Сводничаем, как старые дураки, а еще рано думать о женитьбе! Хотя когда-то придется, и мне нужно было с кем-то поделиться.

– Договорились! Даже Джейн ничего не скажу! – Дядя Мак крепко пожал брату руку и сочувственно похлопал его по плечу.

– Так-так! Что за темные дела тут замышляются? Тайное заседание масонской ложи? – раздался веселый голос.

В дверях стояла Роза, с веселым удивлением глядя, как ее дядюшки шепчутся, кивают и многозначительно пожимают руки.

Вид у них был виноватый, как у нашкодивших детей, и Роза, сжалившись, не стала выяснять причину, наивно предположив, что братья расчувствовались и обмениваются впечатлениями от праздника. Не пересекая порога, она кивнула и быстро сказала:

– Женщине тут не место, а вы, загадочные джентльмены, оба нам нужны! Тетушка Изобилия умоляет станцевать старый добрый контраданс¹¹, и я должна выйти первой парой с дядей Маком. Я выбрала вас, сэр, поскольку вы сама элегантность в танце! Не откажите, пожалуйста! А вас ждет Фиби, дядя Алек. Она ужасно смущается, но с вами, наверное,

---

¹¹ Контраданс – старинный танец, который исполняют четыре, шесть, восемь пар, стоящих друг против друга.

пойдет!

– Благодарю за честь! Спасибо! – с готовностью вскричали оба джентльмена.

Не подозревая о тайном заговоре, Роза с огромным удовольствием протанцевала виргинский рил¹², а дядя Мак превзошел себя в элегантности и провел ее сквозь хитросплетения танца без единой ошибки, блистательно исполнив партию в центре. Оказавшись наконец в конце линии, Роза отошла в сторонку, чтобы дать партнеру перевести дыхание – тучный дядюшка Мак в честь торжественного случая решил идти до конца и танцевал бы до последнего вздоха, пожелай она продолжить.

Тем временем по обыкновению лохматый Мак-младший со скучающим видом подпирал стенку, с некоторым уважением наблюдая, как упражняется в прыжках его родитель.

– Замени меня, сынок! Розе еще плясать и плясать, а мне, старику, не угнаться, поэтому встань-ка вместо меня! – сказал отец, утирая пот с пунцового лица.

– Нет, спасибо, сэр! Терпеть не могу танцы! Кузина, если желаете, я побегаю с вами наперегонки вокруг дома, но бальная зала не для меня – слишком жарко! – невежливо ответил Мак, пятась к открытому окну и радуясь, что нашел отговорку.

– Бедненький! Не страдай ради меня, прошу! Я, пожалуй, не оставлю гостей ради ночной пробежки, да и не рискну бе-

---

¹² Виргинский рил – английский народный танец.

гать по холоду в тонком платье! – ответила Роза, обмахиваясь веером – отказ Мака ничуть ее не задел, его прямота была ей знакома и забавляла.

– Лучше пробежка, чем жара, шум, газовые рожки и пыль! Кстати, ты ведь знаешь, как устроены легкие? – спросил Мак, готовый тотчас же дать подробное объяснение.

– Раньше знала, а сейчас забыла. Была занята другими вещами и забросила увлечения пятилетней давности, – ответила Роза со смехом.

– Хорошее было время! А это увлечение надолго? – спросил Мак, неодобрительно поглядывая на танцующих.

– Месяца на три, наверное.

– Тогда до Нового года! – С этими словами Мак спрятался за штору.

– Роза, дорогая, возмись за его воспитание, пока он не одичал окончательно! После твоего отъезда мальчик зарылся в книги и не вылезал, а мы его не трогали, разве что мать причитала по поводу дурных манер. Воспитай его немного, давно пора оставить детские выходки и проявить достоинства! – взмолился дядя Мак, возмущенный сыновьей бестактностью.

– Он словно каштан – я хорошо его знаю и не боюсь колючек, а посторонние люди – нет. Хорошо, я возьмусь за него – вы будете гордиться! – с готовностью согласилась Роза.

– А в качестве примера возьми Арчи. Таких, как он, – один из тысячи, уверяю тебя, повезет же какой-нибудь де-

вушке!

Дядя Мак продолжил сводничать и был доволен, что так ловко замолвил слово о своем протееже.

Последняя карета отъехала в половине второго.

– Боже, как я устала! – воскликнула Роза, рухнув в кресло.

– Что скажет мисс Кэмпбелл? – спросил доктор, он никогда не называл так племянницу, но в тот вечер это обращение не сходило с уст.

– Мисс Кэмпбелл пока продолжит в том же духе и будет веселиться, потому что ей очень-очень понравилось! – улыбнулась Роза, впервые познавшая радости «света».

Глава четвертая

Шипы и розы

Какое-то время все шло гладко, и Роза была счастлива. Мир казался прекрасным и дружелюбным, а исполнение самых смелых мечтаний – возможным. Разумеется, безоблачный период был краток, а разочарование неизбежно: юность всегда ищет рай, а найдя серый мир, полный забот и невзгод, плачет, пока не научится нести в него радость и волшебство с помощью добрых мыслей и праведного образа жизни.

Любящие родственники с тревогой ждали, когда и Роза утратит иллюзии, что обязательно должно было произойти, как бы они ее ни берегли: ведь до сих пор девочка прилежно училась, путешествовала и занималась хозяйством, не сталкиваясь с испытаниями и искушениями светской жизни. А обладая состоянием и громким именем, от них не спрячешься. Доктор Алек, считая, что опыт – лучший учитель, предоставил Розе пройти далеко не последний жизненный урок самостоятельно, искренне надеясь, что он будет не слишком суровым.

Октябрь и ноябрь пролетели незаметно, приближалось Рождество с веселыми затеями, походами в гости и добрыми пожеланиями.

Роза сидела в маленьком кабинете, примыкающем к го-

стиной, и готовила подарки для близких друзей, число которых с приближением Рождества с каждым днем росло. Выдвинув все ящики комода, она извлекала изящные безделушки и перевязывала их яркими лентами.

Вообще-то девушка за подобным занятием должна выглядеть счастливой, но Роза была грустна и иногда небрежно швыряла очередной запакованный сверток обратно в ящик, словно не испытывая теплых чувств к адресатам. Вошедший доктор Алек удивился и встревожился: он подмечал любую перемену и, стоило племяннице нахмуриться, тоже мрачнел.

– Ты не отвлечешься на минутку от этой красоты? У меня перчатка прохудилась... – начал он, подходя к столу, заваленному лентами, тесьмой и оберточной бумагой.

– Да, дядя, конечно!

Повеселев, Роза протянула обе руки к изношенной перчатке с готовностью и радостью, которые делают самую маленькую услугу неоценимой.

– Вижу, госпожа Щедрость вся в трудах! Тебе нужна помощь? – спросил дядя, оглядывая разбросанные вещи.

– Нет, спасибо! Разве что верните мне удовольствие, а то все надоело... Что за радость дарить подарки чужим людям? – голос Розы слегка дрогнул.

– Я не дарю тем, кто мне не дорог. Не могу себя заставить, особенно в Рождество, когда любое действие должно идти от сердца. Если вся эта красота для близких друзей, то у тебя, кажется, их очень много.

– Я считала их друзьями, но во многих ошиблась, сэр.

– Отложи работу и расскажи мне все, дорогая! – попросил дядя, усаживаясь рядом.

Однако Роза лишь крепче ухватилась за старую перчатку, пылко произнеся:

– Нет-нет! Я с радостью зашью! – Затем, опустив взгляд на шитье, добавила: – Я вряд ли смогу поведать, какая я стала плохая и подозрительная, глядя вам в глаза!

– Хорошо, я готов к самым страшным признаниям, ведь ты последнее время грустишь и о чем-то волнуешься – я заметил это по твоим глазам и по голосу! Неужели на дне чаши, столь сладостной поначалу, оказалась горечь?

– Да, дядя, горечь есть. Признаюсь, хоть и стыдно... Вдруг вы, как в детстве, убедите меня, что микстура не такая уж горькая и к тому же полезна!

Она замолчала на минуту, проворно штопая, а затем все девичьи беды вылились сплошным потоком.

– Дядя, половина из всех, кто со мной добр, любят не меня, а то, что я могу дать, и я ужасно несчастна, хотя раньше радовалась и гордилась тем, что нравлюсь людям. Вот бы у меня совсем не было денег – тогда я поняла бы, кто настоящий друг!

«Бедная девочка! Осознала, что не все то золото, что блестит, и иллюзии начинают рушиться», – подумал доктор, а вслух произнес с сочувственной улыбкой:

– Теперь и подарки не в радость, и Рождество испорчено?

– Нет, есть люди, в которых я ни капли не сомневаюсь! Поздравлять их приятней, чем когда-либо, потому что в каждый стежок я вкладываю душу и чувствую, что вы, тетушка Изобилия, тетушка Джесси, Фиби и мальчики будете рады любой мелочи.

Она открыла ящик, где лежали красивые аккуратные свертки, в которых были упакованы сделанные своими руками подарки. Нежно перебирая их, поправила бант из голубой ленты на увесистой коробке, и при мысли о тех, кому предназначались дары, на лице появилась улыбка.

– А эти... – Роза открыла другой ящик, небрежно и грустно вороша пестрые пакеты, – эти я подарю лишь потому, что их от меня ждут. Этим людям нужна дорогая вещь и нет дела до меня, еще и злословить за глаза будут, если дар окажется недостаточно щедрым! Чему тут радоваться, дядя?

– Действительно, нечему... Однако, возможно, ты к кому-то несправедлива, дорогая. Не позволяй зависти и эгоизму некоторых подорвать веру во всех людей. Неужели никто из подруг тебя не любит? – спросил он, читая имена на свертках.

– Боюсь, что нет... Вчера вечером у Анабеллы они меня обсуждали. Я услышала лишь несколько слов, но было очень обидно! Все гадали, что я подарю, и надеялись получить нечто стоящее. Одна сказала: «Богачка должна быть щедрой!» Вторая заявила: «Я несколько недель с ней любезничала, надеюсь, она этого не забудет!» Третья добавила:

«Роза будет жадиной, если не подарит мне пару перчаток, когда у самой – горы! Я даже нарочно примерила одну, надеюсь, она поймет намек». Я поняла! – Роза открыла красивую коробочку, где лежало несколько пар ее лучших перчаток со множеством блестящих пуговиц – отрадой любой модницы.

– Да, дружбой тут и не пахнет, верно? – Доктор Алек невольно улыбнулся, видя, с каким презрением Роза оттолкнула коробку.

– Совершенно верно! И так с большинством подарков! Пусть берут, что хотят, но доверие и уважение они потеряли! А ведь были так добры и внимательны... Неужели все это притворство? Я никогда так не поступаю с людьми!

– Уверен, что нет! Не отчаивайся, дорогая, попытайся распознать среди сорняков полезные растения, ведь их немало. Это все, что тебя тревожит?

– Нет, сэр, это еще ерунда... Насчет девочек я больше не обольщаюсь и не буду долго грустить, однако, обманувшись в них, я начала сомневаться в других – вот что ужасно! Что ж, если никому нельзя доверять, буду держаться от людей подальше и искать счастья в одиночестве! Ненавижу, когда хитрят и плетут интриги!

Грусть сменилась раздражением, а на последних словах Роза так рассердилась, что порвала шелковую нить.

– Тебя еще что-то беспокоит, верно? Давай вытащим занозу, я поцелую ранку, и все заживет, как в детстве! – сказал доктор, торопясь облегчить страдания любимой пациентки.

Роза рассмеялась и, слегка покраснев, ответила с милой смесью девичьей застенчивости и природной прямоты:

– Тетя Клара меня расстраивает: говорит, половине молодых людей, которые меня окружают, нужны лишь мои деньги! Я стараюсь ее не слушать, но временами закрадываются сомнения... ведь я вовсе не красавица – никогда себя такой не считала, отчего они ко мне так внимательны? Пусть это глупо, мне хочется быть для кого-то больше, чем просто богатой наследницей...

Голос Розы сорвался, а доктор Алек коротко вздохнул, глядя на удрученное лицо племянницы, которая с детской наивностью удивлялась людскому вероломству. То, что стало неожиданностью для Розы, он давно предвидел и ожидал. Наследница состояния всегда привлекает внимание. Даже вполне порядочные и образованные молодые люди все как один уверены, что девушки мечтают заполучить мужа, предлагая взамен красоту и богатство. Поэтому Роза вскоре оказалась окружена толпой претендентов и, обладая и красотой, и богатством в достатке, могла выбрать наиболее подходящий вариант.

Она была неприятно удивлена, обнаружив, что ее основное достоинство в глазах поклонников – деньги, и, воспитанная дядей Алеком, не считала замужество главной и единственной целью.

Даже не обладая достаточным опытом, она чувствовала фальшь: во взгляде, в жесте, в неосторожном слове и тому

подобных мелочах и, заподозрив корысть, не раз прерывала едва начавшуюся дружбу. В понимании Розы любовь была священным чувством, которое следует трепетно и молча ждать, благодарно принимать и бережно хранить до конца дней. Неудивительно, что ей претило, когда о любви рассуждали без всякой почтительности и относились к браку, как к сделке, совершенно не задумываясь о высоком предназначении, огромной ответственности и нежных радостях. Многое ее озадачивало, и, усомнившись во всем, во что верила, Роза словно оказалась в открытом море без компаса – новый мир разительно отличался от привычного с детства, временами очаровывал, но часто вызывал недоумение.

Доктор Алек понял чувства племянницы и постарался предостеречь, не слишком огорчая суровой житейской правдой.

– Для тех, кто знает и любит тебя, ты больше, чем наследница состояния, поэтому не унывай, девочка моя, и не теряй веры! Просто слушай себя и избегай людей неискренних и фальшивых. Проверяй всех: и мужчин, и женщин, которые встречаются на пути; я уверен – совесть, чутье и опыт уберегут тебя от губительной ошибки! – сказал опекун.

После минутной паузы Роза продолжила, лукаво улыбнувшись и прикрыв дядиной перчаткой предательски вспыхнувшие щеки:

– О, дядя, я ожидала, что ухаживания будут более изысканными... Некоторые мужчины ведут себя просто смеш-

но, а ожидают любви и уважения, полагая, что осчастливили предложением руки! Сердце они даже не предлагают.

– Ах, вот в чем дело! Нас занимают дела сердечные, верно? – обрадовался доктор Алек, поскольку, как ранее признался брату, обладал романтической натурой.

Роза отняла от лица перчатку и с веселым негодованием пожаловалась:

– Дядя, это совершенно возмутительно! Даже рассказывать стыдно... Вдруг вы подумаете, что я хвастаюсь, как некоторые девочки, и потом – это не предложения, а полная ерунда, вам и знать не обязательно... – Затем она кротко добавила: – Хотя если вы решите, что какое-то из них следует принять, тогда придется послушаться...

– Обязательно расскажи! Разве я не храню тайны и не даю советы, как образцовый опекун? В сердечных делах нужно иметь доверенное лицо! Где ты найдешь кандидатуру лучше этой? – дядя гордо стукнул себя в грудь.

– Нигде, поэтому расскажу, лишь имена называть не буду. И вообще буду осторожна, а то вы порой свирепеете, когда меня обижают, – ответила Роза, предвкушая откровенный разговор с дядей, которые редко случались последнее время, потому что тот предпочитал оставаться в тени. – Мы придерживаемся старомодных взглядов, и я не ожидала, что можно сделать предложение где попало и без малейшего основания, только после пары улыбок и ласковых слов! Я думала, будет интересно и волнительно, пока же признания вы-

зывают лишь смех. Я сержусь вместо того, чтобы радоваться, и сразу о них забываю. Представляете, дядя, один чудак пожелал жениться после пяти встреч! Впрочем, он в чудовищных долгах, возможно, это объясняет торопливость... – Роза отерла пальцы, будто испачкалась.

– Знаю, о ком ты, и не удивлен, – заметил доктор, пожав плечами.

– Вы все видите и понимаете, наверное, нет смысла продолжать?

– Продолжай, пожалуйста! Кто еще? У меня больше нет догадок.

– Еще один рухнул на колени прямо в оранжерее миссис Ван и вещал о великой страсти, стоя на колючем кактусе! Китти случайно зашла, а я не удержалась от смеха... Он на меня с тех пор дуется.

К радости Розы, у доктора тоже невольно вырвалось веселое «Ха!», ведь ситуации, нелепость которых не оправданна искренними чувствами, невозможно воспринимать серьезно.

– Другой без устали слал стихи, совсем как Байрон. Я все сожгла и новых, думаю, не увижу, а поэт утешился в обществе Эммы. А один – это самое ужасное! – решил делать предложение во время танца – при всех! Я обычно танцую вальсы только с нашими мальчиками, а в тот вечер согласилась, потому что девочки надо мной смеялись, называя скромницей. Так мне и надо – нечего было их слушать!

– Это все претенденты? – спросил дядя.

Как Роза и опасалась, вид у него стал свирепым при мысли, что его любимице пришлось выслушивать признание, кружась в объятиях партнера.

– Есть еще один, но про него я не расскажу, потому что он искренен и правда страдает, хоть я и старалась его не обидеть. Я пока ничего не понимаю в любви, но этот молодой человек вызывает уважение и сочувствие.

Голос Розы снизился почти до шепота, а доктор Алек понимающе склонил голову, потому что когда-то тоже пережил отказ. Затем пытливо заглянул в лицо племянницы.

– Ты хочешь продлить срок еще на три месяца?

– Я сообщу в канун Нового года, дядя!

– Хорошо. Не сбивайтесь с курса, маленький капитан, а если попадете в шторм, зовите первого помощника!

– Есть, сэр! Так и сделаю!

Глава пятая

Прекрасный принц

Роза погрузилась в раздумья, выронив старую перчатку, когда в коридоре зазвучали шаги и послышался мелодичный голос:

«Узрел он вдруг прелестный лик.
Прекрасна и стройна,
На парня дева в этот миг
Глядела из окна».

Услышав знакомый мотив, Роза присоединилась к пению:

«Взбежал он вверх – и у окна,
В стекло заколотил,
И уж впустить его она
Спешила, что есть сил».

В дверь постучали.

– Доброе утро, Розамунда, письма доставлены, верный слуга ждет дальнейших указаний! – объявил Чарли, входя, как обычно, красивый, веселый и доброжелательный.

– Указаний не будет, благодарю! Вольно, Принц! Если только отправить ответы... – Роза принялась распечатывать

записки.

– О, ужас! Что я вижу? – вдруг воскликнул Чарли, театрально содрогнувшись и указывая на перчатку: как и многие начинающие актеры, он любил превращать повседневные встречи и разговоры в небольшие представления.

– Это дядина.

– Ну ладно! Я уж подумал, тут был соперник! – Чарли поднял перчатку, шутки ради нацепил ее на голову стоящей на каминной полке маленькой Психее¹³, напевая третий куплет:

«И тотчас Дженни обнял он,
В свой горский килт одет...
Тот смел, кто истинно влюблен,
Преград для страсти нет»¹⁴.

Роза принялась читать письма, однако мысли ее возвращались к разговору с дядей, а также к новому гостю с его песенкой.

Все три месяца после возвращения Роза видела Чарли чаще других кузенов. Он единственный располагал свободным временем, чтобы «поиграть с Розой», как они говорили в детстве. Остальные вечно были заняты, даже маленький Джейми мужественно сражался с латынью, которая будто злой рок омрачала мальчишескую жизнь. У доктора Алека

---

¹³ Психея – в древнегреческой мифологии олицетворение души, дочь царя, превосходящая красотой богиню Венеру.

¹⁴ Песня на стихи Роберта Бернса в переводе Н. Сидемон-Эристави.

накопились дела за время отсутствия; Фиби музицировала; тетушка Изобилия неустанно хозяйничала. А Чарли то и дело забегал: занести письмо, передать привет, поделиться новостью или куда-нибудь пригласить, и это вошло в привычку. Чарли помогал Розе с рисунками, катался верхом, пел, а также, как само собой разумеющееся, сопровождал на балы и в гости вместе с тетушкой Кларой, которая, будучи охочей до выездов, взяла на себя обязанности дуэньи.

Поначалу Роза была довольна, однако вскоре начала желать, чтобы кузен нашел другое занятие и перестал ходить за ней по пятам, словно у него нет других дел. В семье уже привыкли к праздности Чарли, а мальчишки до сих пор наивно считали, что Принц – украшение клана, достоин лучшего и обязательно прославит Кэмпбеллов. Каким образом прославит – никто точно не знал: Чарли, хоть и был талантлив во всем, не проявлял интереса или склонности ни к чему в отдельности. Старшие родственники уже покачивали головами, видя, что амбициозные планы и выдающиеся способности ни к чему не приводят.

Роза наблюдала все это, и ей хотелось сподвигнуть гениального кузена на некое благородное дело, чтобы окружающие не только любили, но и уважали его. Задача, впрочем, оказалась не из легких: Чарли ее добродушно выслушивал, с готовностью признавал недостатки, а затем придумывал аргумент или отговорку, и через пять минут Роза уже сомневалась в собственной правоте и оставляла спор.

Постепенно Розе стало казаться, будто Чарли считает себя вправе единолично распоряжаться ее мыслями и временем, остро реагируя на появление других претендентов. Это раздражало Розу, она опасалась, что Чарли неверно расценил ее дружеские намерения, а тетушка Клара и вовсе обернула ситуацию в свою пользу, объясняя частые встречи тем, что Роза «должна повлиять на дорогого мальчика», – как бы не так! «Дорогого мальчика» она обожала и никому не позволила бы воспитывать. Роза с досадой думала, что угодила в ловушку: хоть Чарли и был самым привлекательным из кузенов, она не хотела, чтобы он так просто ее присвоил, учитывая, что более достойный мужчина искал ее внимания менее бесцеремонно.

Эти мысли постоянно возвращались в ее голову, пока она читала письма, и оказали некоторое влияние на развитие последующего разговора.

– Столько приглашений, если буду на все отвечать, никогда не закончу с подарками! – пожаловалась она.

– Позволь, я помогу, побуду твоим секретарем, – предложил Чарли, который чувствовал себя в маленьком кабинете как дома и охотно брался за любое дело.

– Можешь ответить на записки, если хочешь. Нужно написать вежливый отказ почти на все, кроме двух или трех. Зачитывай имена, я скажу – каких именно.

– Слушаю и повинуюсь! Кто теперь посмеет назвать меня бездельником?

Чарли с радостью уселся за письменный стол, ибо часы, проведенные в кабинете Розы, были самыми приятными и счастливыми за день.

– «Порядок – первый закон небес!» Чудесный вид, однако я не вижу писчей бумаги! – сказал он, открывая крышку и с интересом оглядывая содержимое.

– В правом ящике! Сиреневая с монограммой для записок, обычная – для деловых писем. С ними я сама разберусь! – ответила Роза, размышляя, кому подарить кружевной платок. Анабелле или Эмме?

– Доверчивое создание! А если бы я открыл не тот ящик и наткнулся на сердечные тайны? – продолжил новоявленный секретарь, перерывая аккуратно сложенные стопки.

– У меня нет тайн, – скромно ответила Роза.

– Неужели? Ни одной трогательной записки, бережно хранимого миниатюрного портрета или засохшего букетика? Я вам не верю, кузина! – Чарли с сомнением покачал головой.

– Вам я бы точно ничего не показала, нахальный юноша! Есть несколько сувениров, но ничего особенно сентиментального и интересного.

– Хотел бы я взглянуть! Жаль, не смею просить... – хитрил Чарли, умоляюще поглядывая поверх полуоткрытой крышки.

– Смотри, если хочешь, но ты разочаруешься, Пол Прай!¹⁵

---

¹⁵ Персонаж пьесы Джона Пула (1786–1872) – любопытный, хитрый, сующий нос в чужие дела.

Левый нижний ящик с ключом!

– О, добрый ангел, моя благодарность безмерна! С каким же трепетом я ждал сего момента! – С этой цитатой из «Удольфских тайн»¹⁶ Чарли отпер и открыл ящик картинным жестом. – Посмотрим, что в шкатулке... Семь локонов: соломенно-желтый, рыжевато-каштановый, золотой, просто рыжий... Что-то знакомое! Похоже, я знаю, с чьих голов они срезаны!

– Да, вы дали мне по локону перед отъездом, и они путешествовали со мной по миру в этой шкатулке.

– Лучше бы путешествовали сами головы... Так, янтарный флакон в виде божка с золотым колечком на спине – какой чудный аромат! – продолжил осмотр Чарли.

– Давний подарок дяди, мои любимые духи.

– А это уже подозрительно – мужской перстень с цветком лотоса и письмо! Я с дрожью спрашиваю: кто, где и когда?

– Один джентльмен, на мой день рождения, в Калькутте.

– Неужто мой родитель?

– Хватит дурачиться, конечно, он! Дядя оказал мне самый радушный прием! Тебе бы поехать и навестить его, как добропорядочному сыну, вместо того чтобы попусту терять время здесь.

– Дядя Мак твердит то же самое, однако никакие нотации не загонят меня в упряжку, пока я не нагуляюсь на свободе, –

---

¹⁶ «Удольфские тайны» – произведение английской писательницы, одной из основательниц готического романа, Анны Радклиф (1764–1823).

упрямо буркнул Чарли.

– Если долго гулять, можно заблудиться... – серьезно начала Роза.

– О, за меня не волнуйся – судя по благодарной записке, ты обещала за мной приглядеть. Бедный мой родитель, хотел бы я его увидеть! Последний раз он навещал нас почти четыре года назад, должно быть, постарел с тех пор...

Чарли иногда называл дядю Стивена «родителем», потому что, в отличие от остальных мальчиков, которые знали и любили отцов, редко видел своего и прибегал к полунасмешливому обращению. Для Чарли отец был лишь некой фигурой, выдвигающей требования и отдающей приказы, которые часто выполнялись с неохотой или не выполнялись вообще.

Роза давно знала, что дядя Стивен не любит бывать дома из-за пристрастия жены к светской жизни и предпочитает сбегать, объясняя затянувшееся отсутствие делами.

Глядя, как кузен с непривычной серьезностью, которая была ему к лицу, вертит в руке кольцо, Роза решила, что это подходящий момент для разговора, и с жаром произнесла:

– Он и правда стареет. Дорогой Чарли, подумай о долге, а не об удовольствии – я уверена, что ты не пожалеешь!

– Хочешь, чтобы я уехал? – быстро спросил кузен.

– Думаю, это было бы правильно.

– А я думаю, ты была бы еще очаровательней, если бы поменьше беспокоилась о том, что правильно, а что нет! Тебя

дядя Алек этому научил, как и другим странным понятиям.

– И хорошо, что научил! – воскликнула Роза, затем добавила спокойней: – Знаешь, женщины всегда пытаются сделать дорогих им мужчин лучше.

– Верно! Удивительно, что мы еще не ангелы. Впрочем, ангелы наверняка понравились бы вам меньше, – лукаво улыбнулся Чарли.

– Возможно, но не уходи от ответа. Ты поедешь к отцу? – неосмотрительно настаивала Роза.

– Нет! – исчерпывающе ответил Чарли.

Повисла неловкая пауза, во время которой Роза усердно завязывала банты, а Чарли бесцельно ворошил содержимое стола.

– Смотри-ка! Мой подарок! – вдруг радостно воскликнул он, поднимая маленькое сердце из агата на выцветшей голубой ленте. – Позволь, я заберу каменное сердце, а тебе оставлю свое, настоящее? – спросил он то ли в шутку, то ли всерьез – его тронула старая безделушка и связанные с ней воспоминания.

– Нет! – резко ответила Роза, рассерженная дерзким вопросом.

В силу легкости характера Чарли обычно быстро справлялся с краткими приливами эмоций, успокаивался сам и успокаивал других.

– Ну вот, теперь мы квиты! Давай забудем ссору! – предложил он с подкупающим добродушием, невозмутимо пряча

маленькое сердце в карман и собираясь закрыть ящик.

Вдруг его внимание привлекла толстая стопка писем с иностранными марками.

– Это еще что такое? – воскликнул он, извлекая из-под пачки фотографию.

– О, я и забыла... – потупилась Роза.

– Кто он? – Чарли хмуро рассматривал красивое лицо.

– Благородный Гилберт Мюррей, который сопровождал нас в поездке по Нилу, отгоняя крокодилов и прочую живность. Он прекрасный охотник, я же тебе писала! – весело объяснила Роза, слегка смущенная открытием Чарли. Знакомство с Гилбертом относилось к «опасным моментам», которые упоминал дядя.

– Судя по стопке писем, крокодилы его еще не съели? – ревниво спросил Чарли.

– Надеюсь, нет! Его сестра, наверное, упомянула бы об этом...

– Вот как! Значит, ты переписываешься с ней? Вообще сестер стоит опасаться! – Чарли с подозрением рассматривал пачку.

– От этой сестры сплошная польза, потому что она единственная подробно описала мне свадьбу брата.

– Что ж, если он женат, мне на него наплевать. Я-то думал, что нашел объяснение твоей неприступности! Если дело не в тайном возлюбленном, то я вновь в полном недоумении. – Чарли бросил фотографию в ящик, совершенно потеряв к

ней интерес.

– Я непроступна потому, что разборчива и не нашла никого, кто был бы мне полностью по вкусу.

– Никого? – бросил нежный взгляд Чарли.

– Никого! – подтвердила Роза, вспыхнув, и призналась: – Многие меня восхищают, многие нравятся, но нет никого достаточно сильного духом и доброго. Полагаю, мои идеалы слегка старомодны.

– Зануды, вроде Гая Карлтона, графа Альтенбурга и Джона Галифакса¹⁷ – я знаю вкусы добропорядочных девиц, как ты, – усмехнулся Чарли, предпочитавший Боклерка и мистера Рочестера¹⁸.

– Значит, я не добропорядочная. Я не люблю зануд. Я ищу джентльмена в лучшем смысле этого слова и готова ждать, поскольку уже знаю одного.

– Черт возьми! Я с ним знаком? – в тревоге воскликнул Чарли.

– Немного, – ответила Роза с хитрым блеском в глазах.

– Если это не Пэм, то я сдаюсь. Он самый воспитанный из моих знакомых.

---

¹⁷ Гай Карлтон (1724–1808) – британский военачальник. Граф Альтенбург – герой романа ирландской писательницы Марии Эджуорт (1767–1849). Джон Галифакс – герой романа английской писательницы Дины-Марии Мелок (1826–1887).

¹⁸ Боклерк (*фр. Beauclerc* – хорошо образованный) – прозвище Генриха I (1068–1135). Эдвард Рочестер – герой романа английской писательницы Шарлотты Бронте (1816–1855).

– О боже мой, нет! Гораздо лучше мистера Пэмбертона и много старше! – уважительно сказала Роза, и Чарли, еще больше встревожившись, продолжил гадать.

– Какой-нибудь преподобный отец? Набожные девушки обожают пастырей. Но пастыри, как правило, женаты!

– Нет!

– Сжался – назови имя! – взмолился Чарли.

– Александр Кэмпбелл.

– Дядя? Ей-богу, это облегчение, хоть все равно ужасно нелепо! Значит, когда найдешь такого же святого помоложе, выйдешь за него замуж? – спросил Чарли – новость и позабавила, и обескуражила его.

– Если встречу человека хотя бы вполовину такого же честного, доброго и благородного, как дядя, с гордостью стану его женой, – решительно заявила Роза.

– Странные вкусы у женщин! – Подперев рукой подбородок, Чарли задумался о неразумности отдельно взятой представительницы, которая предпочитала старого скучного дядюшку молодому привлекательному кузену.

Роза тем временем заворачивала подарки, жалея о своей излишней суровости – отчитывать Чарли было нелегко, хоть тот порой сам напрашивался на отповеди, каялся в грехах и, пользуясь своей неотразимостью, легко получал прощение.

– Пора заканчивать с записками, – напомнила Роза, чтобы прервать тягостное молчание.

Чарли не заставил просить дважды и тут же настрочил

несколько ответов в своей изящной манере. Дойдя до делового письма, он пробежал его глазами и озадаченно спросил:

– Что это? Расценки строительных работ и так далее... от некоего Баффема.

– Оставь, с этим я потом сама разберусь.

– Не оставляю, мне интересно! Если думаешь, что я ничего не смыслю в делах, ошибаешься!

– У меня есть два старых дома в городе, я делаю ремонт и готовлю их к сдаче.

– Квартиры для сдачи в аренду? Что ж, хорошая идея, должно быть, неплохой доход!

– Что ты, это не ради дохода! Брать деньги в моей ситуации – равносильно идти на сделку с совестью! – решительно заявила Роза.

– Почему же? Что плохого в том, что люди снимают квартиры, а владельцы получают взамен кругленькую сумму?

– Знаешь, я повидала много нужды и здесь, и за границей, мы там не только развлекались, уверяю тебя! Дядя посещал больницы и тюрьмы, и я иногда ездила с ним, но это было слишком грустно, и дядя предложил другие виды благотворительности, которыми я могла бы заняться по возвращении: школы для бедных, рабочие дома, приюты и тому подобные заведения. Ты не представляешь, как это было мне полезно и как я рада, что у меня есть средства, чтобы хоть немного сократить количество страданий в мире!

– Но, дорогая моя, нельзя транжирить состояние в попыт-

ке накормить, вылечить и одеть всех несчастных! Делись, конечно, все должны помогать бедным понемногу, я это горячо поддерживаю! Только ради всего святого, не уходи в благотворительность с головой, как некоторые! А то станешь безнадежно серьезной, практичной и одержимой, такие особы – одно наказание! – предостерег Чарли.

– Я буду делать добро изо всех сил и брать пример именно с «безнадежно серьезных, практичных и одержимых» женщин! Если это тебе не по душе, можешь со мной не общаться! – ответила Роза, повторив обидные слова, потому что она была готова отстаивать свои убеждения до конца.

– Над тобой будут смеяться.

– Ничего, я привыкла.

– Будут осуждать и сторониться.

– Те, чье мнение для меня важно, не будут.

– Женщинам не пристало ездить по приютам!

– Очень даже пристало!

– Подхватишь какую-нибудь заразу и потеряешь красоту, что тогда? – спросил Чарли, надеясь запугать юную филантропку.

Однако Роза не испугалась, а ответила с внезапным блеском в глазах, вспомнив недавний разговор с дядей:

– Досадно, конечно... Но есть утешение – лишившись красоты и раздав деньги, я узнаю, кто любит меня по-настоящему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.